

ПАМЯТКА
О
СЕРГЕЕ ЕСЕНИНЕ

Scriptorium

ПАМЯТКА О СЕРГЕЕ ЕСЕНИНЕ

Сборник посмертных
изданий

Salamandra P.V.V.

Памятка о Сергее Есенине: Сборник посмертных изданий.
Сост. Н. Андерсон. – Б.м.: Salamandra P.V.V., 2015. – 114 с.,
илл. – (Scriptorium).

В сборнике представлены издания, выпущенные в 1926-1927 гг. непосредственно после смерти С. Есенина: «Памятка о Сергее Есенине» (1926), воспоминания С. Виноградской (1926) и книга поэта-имажиниста И. Грузинова «Есенин разговаривает о литературе и искусстве» (1927).

© N. Anderson, состав, примечания, 2015
© Salamandra P.V.V., оформление, 2015

**ПАМЯТКА
О СЕРГЕЕ
ЕСЕНИНЕ**

От составителя

Публикация книжных материалов, связанных со смертью С. А. Есенина, была начата нами в книге «Крученных против Есенина», вышедшей в начале 2015 г. в серии «Библиотека авангарда» (вып. XII) издательства Salamandra P.V.V. В настоящем сборнике представлены книги, впервые увидевшие свет в 1926-1927 гг., непосредственно после смерти поэта.

Сборник открывает книга «Памятка о Сергее Есенине», выпущенная издательством «Сегодня» в Москве в 1926 г.

Далее представлены воспоминания С. С. Виноградской «Как жил Есенин», опубликованные в том же году издательством «Огонек», и книга И. В. Грузинова «С. Есенин разговаривает о литературе и искусстве», изданная в 1927 г. под маркой «Всероссийского союза поэтов».

Все включенные в сборник тексты публикуются по первоизданиям без изменений и сокращений, за исключением исправления незначительного количества очевидных опечаток.

Наталья Андерсон

ПАМЯТКА
О
СЕРГЕЕ ЕСЕНИНЕ

СЕГОДНЯ ПОСВЯ

**ПАМЯТКА
О
СЕРГЕЕ ЕСЕНИНЕ**

4/X 1895 – 28/XII 1925

Автобиографии Есенина – Смерть Есенина –
Библиография – Иконография – Факсимиле.

1922

ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ

Всеобщая скорбь от трагической кончины Сергея Есенина — безмерна.

День его смерти и траурные дни, последовавшие затем, эта печальная эпопея сначала смутных слухов, в дальнейшем превратившихся в ужасный факт, перевозка тела в Москву, прощание тысяч людей с поэтом, щемящая боль непоправимой утраты — все это требует какого-то закрепления сейчас же, не откладывая, пока детали, еле уловимые мелочи не стерты слабеющей памятью.

Отсюда и выросло наше намерение дать «Памятку о Сергее Есенине».

Помимо «хроники событий», составленной преимущественно по газетным сведениям, мы даем автобиографию Есенина в трех вариантах, при чем следует заметить, что заключительные строки первого варианта и, повидимому, второй вариант в целом не удовлетворяли С. А., чем и вызван третий вариант, написанный им в октябре п. г. Текст первого варианта заимствован нами из «Новой Русской Книги» Берлин 1922, № 5; текст второго варианта взят из статьи С. Борисова «К биографии Сергея Есенина» (Красная Нива, 1926, № 2). Третий вариант публикуется нами впервые.

Библиография отдельных книг С. Есенина, не претендуя на исчерпывающую полноту, является, насколько нам известно, первой попыткой библиографической «Есенианы».

Факсимиле воспроизводит стихотворение С. Есенина, не появлявшееся в печати; оно относится к 1916 году и предоставлено Издательству «Сегодня» Мальвиной Марьяновой.

Памятка приготовлена к печати В. И. Вольпиным.

1919

АВТОБИОГРАФИЯ С. А. ЕСЕНИНА

Я — сын крестьянина. Родился в 1895 году, 21 сентября* в Рязанской губернии, Рязанском уезде, Козьминской волости.

С двух лет, по бедности отца и многочисленности семейства, был отдан на воспитание довольно зажиточному деду по матери, у которого было трое взрослых неженатых сыновей, с которыми протекло почти все мое детство. Дядья мои были ребята озорные и отчаянные. Трех с половиной лет они посадили меня на лошадь без седла и сразу пустили в галоп. Я помню, что очумел и очень крепко держался за холку.

Потом меня учили плавать. Один дядя (дядя Саша) брал меня в лодку, от'езжал от берега, снимал с меня белье и, как щенка, бросал в воду. Я неумело и испуганно плескал руками и, пока не захлебывался, он все кричал: «Эх, стерва! Ну куда ты годишься?». «Стерва» у него было слово ласкательное. После, лет восьми, другому дяде я часто заменял охотничью собаку, плавая по озерам за подстреленными утками. Очень хорошо я был выучен лазить по деревьям. Из мальчишек со мной никто не мог тягаться. Многим, кому грачи в полдень после пахоты мешали спать, я снимал гнезда с берез, по гривеннику за штуку. Один раз сорвался, но очень удачно, оцарапав только лицо и живот, да разбив кувшин молока, который нес на косьбу деду.

Среди мальчишек я всегда был коноводом и большим драчуном и ходил всегда в царапинах. За озорство меня ругала только одна бабка, а дедушка иногда сам подзадоривал на кулачную и часто говорил бабке: «Ты у меня, дура, его не трожь. Он так будет крепче».

Бабушка любила меня изо всей мочи, и нежности ее не было границ. По субботам меня мыли, стригли ногти и гарным маслом гофрили голову, потому что ни один гребень

* По старому стилю. — Редакция.

не брал кудрявых волос. Но и масло мало помогало, всегда я орал благим матом и даже теперь какое-то неприятное чувство имею к субботе.

По воскресеньям меня всегда посылали к обедни и, чтобы проверить, что я был за обедней, давали 4 копейки. Две копейки за просфору и две — за выемку частей священнику. Я покупал просфору и вместо священника делал на ней перочинным ножом три знака, а на другие две копейки шел на кладбище играть с ребятами в свинчатку,

Так протекало мое детство. Когда же я попрос, из меня очень захотели сделать сельского учителя, и потому отдали в закрытую церковно-учительскую школу, окончив которую 16-ти лет, я должен был поступить в Московский Учительский Институт. К счастью, этого не случилось. Методика и дидактика мне настолько осточертели, что я и слушать не захотел.

Стихи я начал писать рано, лет девяти, но сознательное творчество отношу к 16-17 годам. Некоторые стихи этих лет помещены в «Радунице».

Восемнадцати лет я был удивлен, разослав свои стихи по журналам, тем, что их не печатают, и неожиданно грянул в Петербург.

Там меня приняли весьма радушно. Первый, кого я увидел, был Блок, второй Городецкий. Когда я смотрел на Блока, с меня капал пот, потому что в первый раз видел живого поэта. Городецкий меня свел с Клюевым, о котором я раньше не слышал ни слова. С Клюевым у нас завязалась, при всей нашей внутренней распре, большая дружба, которая продолжается и посейчас.

Живет он в Вытегре, пишет мне, что ест хлеб с мякиной, запивая пустым кипятком, и моля бога о непостыдной смерти.

За годы войны и революции судьба меня толкала из стороны в сторону. Россию я исколесил вдоль и поперек, от Сев. Ледовитого Океана до Черного и Каспийского моря, от Запада до Китая, Персии и Индии.

1924

Самое лучшее время в моей жизни считаю 1919 год. Тогда мы зиму прожили в 5 градусах комнатного холода. Дров у нас не было ни полена.

В РКП я никогда не состоял, потому что чувствую себя гораздо левее.

Любимый мой писатель — Гоголь.

Книги моих стихов: «Радуница», «Голубень», «Преображение», «Сельский Часослов», «Трерядница», «Исповедь хулигана» и «Пугачев».

Сейчас работаю над большой вещью под названием «Страна негодяев».

В России, когда там не было бумаги, я печатал свои стихи, вместе с Кусиковым и Мариенгофом, на стенах Страстного монастыря или читал просто где-нибудь на бульваре. Самые лучшие поклонники нашей поэзии — проститутки и бандиты. С ними мы все в большой дружбе. Коммунисты нас не любят по недоразумению.

За сим всем читателям моим нижайший привет и маленькое внимание к вывеске: «просят не стрелять!».

1922 г. 14 мая. Берлин.

1923

АВТОБИОГРАФИЯ

Родился в 1895 году, 4-го октября. Сын крестьянина Рязанской губ., Рязанского уезда, села Константинова. Детство прошло среди полей и степей.

Рос под призором бабки и деда.

Бабка была религиозная, таскала меня по монастырям. Дома собирала всех увечных, которые поют по русским селам духовные стихи от «Лазаря» до «Миколы». Рос озорным и непослушным. Был драчун. Дед иногда сам заставлял драться, чтоб крепче был.

Стихи начал слагать рано. Толчки давала бабка. Она рассказывала сказки. Некоторые сказки с плохими концами мне не нравились, и я их переделывал на свой лад. Стихи начал писать, подражая частушкам. В бога верил мало. В церковь ходить не любил. Дома это знали и, чтоб проверить меня, давали четыре копейки на просфору, которую я должен был носить в алтарь священнику на ритуал вынимания частей. Священник делал на просфоре три надреза и брал за это 2 копейки. Потом я научился делать эту процедуру сам перочинным ножом, а две копейки клал в карман и шел играть на кладбище с мальчишками (играть в бабки). Один раз дед догадался. Был скандал, и я убежал в другое село к тетке и не показывался до той поры, пока не простили.

Учился в закрытой учительской школе.

Лома хотели, чтобы я был сельским учителем.

Когда отвезли в школу, я страшно скучал по бабке и убежал домой за 100 с лишком верст пешком.

Дома выругали и отвезли обратно.

После школы с 16 лет до 17-ти жил в селе. 17-ти лет уехал в Москву и поступил в университет Шаняевского. 19-ти лет попал в Петербург проездом в Ревель. Зашел к Блоку. Блок свел с Городецким, а Городецкий с Клюевым. Стихи мои произвели большое впечатление.

1923

Все лучшие журналы того времени (1915) стали печатать меня, а осенью (1915) появилась моя первая книга «Радуница». О ней много писали. Все в один голос говорили, что я — талант.

Я знал это лучше других.

За «Радуницей» я выпустил «Голубень», «Преображение», «Сельский часослов», «Ключи Марии», «Трерядницу», «Исповедь хулигана» и «Пугачев». Скоро выйдет из печати «Страна негодяев» и «Москве кабацкая».

В революцию был отмечен Троцким, как попутчик.

Крайне индивидуален.

Со всеми устоями на советской платформе.

В 1916 году был призван на военную службу. При некотором покровительстве полковника Ломана, ад'ютанта императрицы, был предоставлен ко многим льготам. Жил в Царском, недалеко от Разумника-Иванова. По просьбе Ломана, однажды читал стихи императрице. Она, после прочтения моих стихов, сказала, что стихи мои красивы, но очень грустны.

Я ответил ей, что такова вся Россия. Ссылался на бедность, климат и прочее.

Революция застала меня на фронте в одном из дисциплинарных баталионов, куда угодил за то, что отказался написать стихи в честь Царя. Отказывался, советуясь и ища поддержки в Иванове-Разумнике.

В революцию покинул самовольно армию Керенского и проживал дезертиром, работая с эсерами не как партийный, а как поэт.

При расколе партии пошел с левой группой и в октябре был в их боевой дружине.

Вместе с Советской властью покинул Петроград.

В Москве в 1918 г. встретился с Мариенгофом, Шершеневичем и Ивневым. Назревшая потребность в проведении

в жизнь силы образа натолкнула нас на необходимость опубликования манифеста имажинистов. Мы были зачинателями новой полосы в эре искусства и нам пришлось долго воевать. Во время нашей войны мы переименовывали улицы в свои имена и раскрасили Страстной монастырь в слова своих стихов.

(В) 19-20-21 (г.г.) ездил по России: Мурман, Соловки, Архангельск, Туркестан, Киргизские степи, Кавказ, Персия, Украина и Крым.

В 22 году вылетел на аэроплане в Кенигсберг. Об'ездил всю Европу и Северную Америку.

Доволен больше всего тем, что вернулся в Советскую Россию.

Что дальше — будет видно.

О СЕБЕ

Родился в 1895 году, 21 сентября, в Рязанской губернии, Рязанского уезда, Козьминской волости, в селе Константинове.

С двух лет был отдан на воспитание довольно зажиточному деду по матери, у которого было трое взрослых неженатых сыновей, с которыми протекло почти все мое детство. Дядья мои были ребята озорные и отчаянные. Трех с половиною лет они посадили меня на лошадь без седла и сразу пустили в галоп. Я помню, что очумел и очень крепко держался холку. Потом меня учили плавать. Один дядя (дядя Саша) брал меня в лодку, от'езжал от берега, снимал с меня белье и, как щенка, бросал в воду. Я неумело и испуганно плескал руками и, пока не захлебывался, он все кричал: «Эх! Ну, куда ты годишься»? После, лет восьми, другому дяде я часто заменял охотничью собаку, плавал по озерам за подстрелянными утками. Очень хорошо лазил по деревьям. Среди мальчишек всегда был коноводом и большим драчуном и ходил всегда в царапинах. За озорство меня ругала только одна бабка, дедушка иногда сам подзадабривал на кулачную и часто говорил бабке: «Ты у меня дура, его не трожь, он так будет крепче!» Бабушка любила меня изо всей мочи, и нежности ее не было границ. По субботам меня мыли, стригли ногти и гарным маслом гофрили голову, потому что ни одни гребень не брал кудрявых волос. Но и масло мало помогало. Всегда я орал благим матом, даже теперь какое-то неприятное чувство имею к субботе.

Так протекло мое детство. Когда же я подрос, из меня очень захотели сделать сельского учителя и потому отдали в церковно-учительскую школу, окончив которую я должен был поступить в Московский Учительский Институт. К счастью, этого не случилось.

Стихи я начал писать рано, лет девяти, и сознательное творчество отношу к 16-17 годам. Некоторые стихи этих лет

помещены в «Радунице».

Восемнадцать лет я был удивлен, разослав свои стихи по журналам, тем, что их не печатают, и поехал в Петербург. Там меня приняли весьма радушно. Первый, кого я увидел, был Блок, второй — Городецкий. Когда я смотрел на Блока, с меня капал пот, потому что в первый раз видел живого поэта. Городецкий меня свел с Клюевым, о котором я раньше не слышал ни слова. С Клюевым у нас завязалась при всей нашей внутренней распре, большая дружба.

В эти же годы я поступил в Университет Шанявского, где пробыл всего 1 ½ года, и снова уехал в деревню.

Из поэтов современников нравились мне больше всего Блок, Белый и Клюев. Белый дал мне много в смысле формы, а Блок и Клюев научили меня лиричности.

В 1919 году я с рядом товарищей опубликовал манифест имажинизма. Имажинизм был формальной школой, которую мы хотели утвердить. Но эта школа не имела под собой почвы и умерла сама собой, оставив правду за органическим образом.

От многих моих религиозных стихов и поэм я бы с удовольствием отказался, но они имеют большое значение, как путь поэта до революции.

С 8 лет бабка таскала меня по разным монастырям; из-за нее у нас вечно ютились всякие странники и странницы. Распевались разные духовные стихи. Дед, напротив, любил выпить.

После, когда я ушел из деревни, мне долго пришлось разбираться в своем укладе.

В годы революции был всецело на стороне Октября, но принимал все по-своему, с крестьянским уклоном.

В смысле формального развития теперь меня тянет все больше к Пушкину.

Что касается остальных автобиографических сведений, они в моих стихах.

Сентябрь 1925

СМЕРТЬ СЕРГЕЯ ЕСЕНИНА

ХРОНИКА СОБЫТИЙ

24 декабря 1925 г. С. Есенин приехал из Москвы в Ленинград, как он говорил, на постоянное жительство. С вокзала он последовательно заезжал к целому ряду своих друзей, но фатально не заставал никого из них дома. Тогда он вынужденно приезжает в гостиницу «Англетерр» на Исаакиевской пл., в которой постоянно проживает его друг литератор Георгий Устинов, и занимает в отеле номер.

За все время пребывания в Ленинграде Есенин вел замкнутый образ жизни, почти ни с кем не встречаясь, за исключением Н. Клюева и еще нескольких близких ему людей. Портье отдается распоряжение никого к нему не впускать.

*

27 декабря, утром, Есенин, очевидно, уже приняв свое трагическое решение, захотел написать стихотворение (предсмертное стихотворение!) и, не найдя в номере чернил, «взял ножик, разрезал в нескольких местах руку повыше кисти, обмакнул в собственную кровь перо, которое лежало на гостиничном письменном столе, и написал:

С. Есенин в гробу

**До свиданья, друг мой, до свиданья,
Милый мой, ты у меня в груди:
Предназначенное расставанье
Обещает встречу впереди.
До свиданья, друг мой,
Без руки и слова.
Не грусти и не печаль бровей.
В этой жизни умирать не ново,
Но и жить, конечно, не новей».**

Стихи эти были переданы молодому ленинградскому поэту В. Эрлиху, верному другу покойного, со словами: «Вот тебе, только не читай...»

*

28 декабря, в 10 1/2 ч. утра, Е. А. Устинова отправилась в номер покойного, который с вечера вновь просил швейцара не допускать к нему никого, «так как он устал и желает отдохнуть». Устинова постучала в дверь, «на стук ответа не последовало».

*

Был вызван комендант отеля, вскрывший дверь. «Присутствующим представилась ужасная картина. В углу на трубе парового отопления, на веревке от чемодана висел Сергей Есенин. На левой руке было несколько царапин, а на правой, выше локтя — глубокий порез, сделанный ножом от бритвы. Очевидно, Есенин пытался перерезать себе сухожилие».

*

Вот как рисует Всев. Рождественский зтот номер и вынутого из петли Есенина: «Пуст коридор одной из “гостиниц для приезжающих”. Дверь настежь. За круглым столом посередине милиция составляет протокол, а тут же на по-

лу, прямо против дверей, лежит, вытянув ноги и запрокинув лицо, Сережа Есенин. Уже тускнеющие, но все еще золотые, волосы разметались по грязному полу среди сора и растоптанных окурков».

Хроникерская заметка дополняет это описание следующими строками:

«В комнате царил полный беспорядок: вещи были повсюду разбросаны, на полу валялись листки разорванных рукописей».

*

Милиция закончила свое дело. «На загроможденном сугробами многоэтажном дворе положили Есенина, завернутого в простыню, на мерзлые чухонские дровни. Кто-то сказал: “В мертвецкую Обуховской больницы!”. Лошадь тронула с места и повезли полуодетого без шапки в морозную муть по скрипучим улицам равнодушного города».

*

29 декабря, в 4 час. дня, в прозекторской больницы им. Нечаева (б. Обуховской) состоялось судебно-медицинское вскрытие, которым установлено, что Есенин умер от удушья, причем потеря крови, вследствие надрезов на венах, могла, в свою очередь, способствовать обморочному состоянию. Кровавые натёки на ногах свидетельствуют о том, что Есенин долго висел в петле. Вскрытием также установлено, что никаких аномальностей в мозгу Есенина не было. По заключению экспертов труп Есенина провисел около 6-7 часов.

В 6-м часу веч. тело Есенина из больницы было перевезено в помещение Ленинградского Отделения Всероссийского Союза Писателей (Фонтанка, 50), где состоялось прощание с телом. Были писатели, поэты, представители Госиздата и др. издательств. На гроб возложено много венков.

Утром 29-го декабря прибыли из Москвы в Ленинград жена поэта С. А. Есенина (Толстая) и поэт В. Наседкин, распорядившиеся о перевозе тела в Москву.

*

В 8 1/2 час. веч., под звуки траурного марша гроб с телом Есенина был вынесен из помещения Союза и поставлен на катафалк. Многолюдная похоронная процессия, через Фонтанку, проследовала на проспект 25-го Октября по направлению к Октябрьскому вокзалу. После установки гроба в специальный вагон, И. Ионов, И. Садофьев и Борисоглебский произнесли прощальные речи. Были также прочитаны стихи Сергея Александровича.

*

В 11 час. 15 мин. ночи поезд медленно отошел, увозя тело безвременного погибшего поэта. Тем же поездом выехали родные покойного, председатель Ленинградского Союза Поэтов И. Садофьев и некоторые из друзей С. Есенина.

28 декабря обществом «Радио-передача» было передано по радио за границу три стихотворения Сергея Есенина.

*

В номере от 28 декабря ленинградская вечерняя «Красная Газета» поместила краткий траурный аншлаг:

Сегодня в Ленинграде умер поэт
Сергей Есенин.

На завтра в «Ленинградской Правде» появились два объявления:

Ленинградское отделение Союза Писателей
сообщает о трагической кончине
Сергея Есенина.

Ленинградское отделение Государственного
Издательства
с глубоким прискорбием извещает о кончине поэта
Сергея Александровича Есенина.

29 декабря большие московские газеты вышли со следующими объявлениями, заключенными в густые креповые рамки:

Всероссийский Союз Писателей
с глубочайшей скорбью извещает о
трагической кончине
Сергея Есенина.

Правление Всесоюзной Ассоциации
пролетарских писателей
извещает о трагической смерти поэта
Сергея Есенина,
сотрудника журнала «Октябрь» — органа В. А. П. П.

Группа писателей «ПЕРЕВАЛ», глубоко потрясенная
трагической смертью
Сергея Есенина,
выражает свое соболезнование семье, друзьям и
почитателям поэта.

*

С часами прибытия тела в Москву происходит недо-
разумение. Накануне в газете сообщалось о 10 1/2 ч. утра.
Затем произошло изменение на 2 1/2 ч. дня. Поезд опазды-
вает на 1/2 часа. 30-го декабря в 3 ч. дня к переполненному
дебаркадеру Октябрьского вокзала медленно подходит поезд.
Траурный вагон — в хвосте длинного почтового поезда. Он
украшен морозной зеленью. Печально играет музыка. Раз-
даются истерические рыдания близких. Тихо плачут многие.
Слезы на глазах у всех.

Гроб выносят на руках Б. Пильняк, И. Бабель, П. Оре-
шин, А. Соболев, В. Мейерхольд, Вс. Иванов, В. Наседкин, А.
Эфрос и Н. Савкин. За гробом венки из живых цветов и
ленты: черные, белые, красные. На Каланчевской пл. до-
рогую ношу водружают на катафалк, сплетается из рук жи-
вая крепкая цепь, и процессия в несколько тысяч человек
трогается к Дому Печати. Это последний этап останков поэ-
та перед ваганьковским кладбищем.

*

На решетке ограды Дома Печати — большое полотно. А на нем — черными буквами:

**«Тело великого русского национального поэта
Сергея Есенина покоится здесь».**

Дом Печати в непритворном глубоком трауре. Висят объявления об отмене всех зрелищ и встречи нового года. Гроб с телом поэта устанавливается в главном зале. Сменяются друзья покойного, один за другим, в почетном карауле: В. Александровский, А. Воронский, И. Грузинов, Вс. Иванов, В. Кириллов, С. Клычков, В. Казин, В. Мейерхольд, В. Наседкин. П. Орешин, Б. Пильняк, А. Эфрос и др. Перемежаются звуки похоронного марша, рыдания, плач, тихие всхлипывания. Вспыхивает причудливо магний, щелкают фотографические аппараты.

*

В 9 ч. веч. артисты 1-го МХАТ В. И. Качалов и О. Л. Книппер-Чехова читали стихи Сергея Есенина.

*

Глубокой ночью публика удаляется из зала на час. Это «час семьи». Остаются только родные и самые близкие.

*

В течение всего вечера и ночи с 30 на 31 декабря поток желавших проститься с поэтом не иссякал. Когда, на время панихиды, доступ публики был прекращен, то за полчаса хвост ожидающих вытянулся до Арбатской площади. И так всю ночь... до 9 ч. утра.

Несколько художников, кое-как примостившись, рисуют покойного.

*

Всем распоряжается президиум комиссии по организации похорон. В него входят: А. К. Воронский, Б. Пильняк, А. Малышев, А. И. Свирский и А. Л. Соболев. По соглашению всех литературных организаций устанавливается последний маршрут, по которому будет следовать траурная процессия: Дом Печати (Никитский бульвар), памятник Пушкину (Страстная пл.), «Дом Герцена» (Тверской бульвар) и Ваганьковское кладбище.

*

Переменяющийся свет зимнего утра и тусклый свет электричества. Девять часов. Маленькая девочка, дочь покойного поэта, неокрепшим голосом взволнованно читает у гроба отца стихи Пушкина. Пауза. Рыдания. Гроб, доселе открытый, крепко завинчивают и под звуки похоронной музыки выносят на руках из Дома Печати. Гроб на катафалке и процессия в несколько тысяч человек с обнаженными головами двигается в путь. Алеют красные знамена. На улице талый снег. Совсем тепло.

*

По церемониалу первая остановка у памятника Пушкину. Печально склоняются знамена перед монументом «того, кто русской стал судьбой». Вспоминается, как год назад, летом, Есенин, во время торжественного шествия к этому памятнику, в день рождения Пушкина, читал свои отныне знаменитые стихи и почти клятвой звучали заключительные строчки этих стихов:

...Но обреченный на гоненье,
Еще я долго буду петь,
Чтоб и мое глухое пенье
Сумело бронзой прозвенеть.

И эта клятва не сдержана...

Вторая остановка — у «Дома Герцена», где сосредоточены все литературные объединения Москвы. Взобравшись на решетку оград Дома, председатель Союза Писателей Вл. Кириллов произносит короткую речь. У него срывается голос, он говорит тихо и дальние ряды его не слышат. Но все понимают, что он скорбит о такой ранней смерти большого поэта, так ужасно прервавшего свою жизнь.

Вот как передает «Правда» его речь:

*

— «Товарищи! Сегодня наша литературная семья переживает большое горе. От нас ушел навсегда один из прекраснейших поэтов, один из тех, кто после Кольцова и Пушкина наиболее талантливо, чутко и вдумчиво сумел почувствовать и передать нам настроение деревни, передать поэзию ее полей и лесов. Трагическая смерть поэта должна заставить нас глубоко задуматься над нашей литературной жизнью. Дадимте же, товарищи, над этой свежей могилой обещание сделать все, чтобы изменить некоторые отрицательные стороны этой жизни, и общими силами создать ту дружескую, товарищескую атмосферу, которая сделает невозможной такие смерти, как смерть Есенина.

Прощай и спи спокойно, дорогой Сергей!»

*

У Камерного театра — третья остановка. Духовой оркестр умолкает, чтобы уступить место струнному оркестру театра, прорывавшему траурный марш. Артист Церетелли возлагает венок на колесницу, и она без остановок двигается к кладбищу.

*

Около 2-х часов дня шествие достигает Ваганьковского кладбища. Люди повсюду: на деревьях, на могильных оградах, на высоких снежных сугробах. Рыдающе прозвучали

вопли отчаяния, крики последнего прощания близких с Сергеем Есениным.

*

Разлаются возгласы: «Прощай, Сережа! Сергей, прощай!» Могильщики в своей пышной форме, при помощи двух рабочих, опускают гроб в могилу и засыпают его желтой глиной и белым снегом. Вырастает холмик, а на нем венки, цветы и, — как крылья птиц, ленты.

Похоронен Есенин рядом с могилами А. Неверова, А. Ширяевца и Е. Нечаева.

*

Кто-то из членов Комиссии заявил, что речей не будет, т. к. на днях предстоит специальный вечер, посвященный памяти поэта. Однако, одна речь была. Ее произнес по-французски, очевидно, не поняв заявления Комиссии, французский писатель-коммунист. Он принес соболезнование от имени французских писателей. Речь его была переведена проф. Ю. Ключниковым.

Скорбный похоронный обряд был заключен чтением стихов Есенина и стихов, посвященных ему.

Расходились с кладбища медленно и, как будто, нехотя.

*

С некоторым запозданием директором Камерного театра А. Я. Таировым была получена следующая телеграмма из Ниццы, от б. жены покойного — А. Дункан:

«Прошу вас передать родным и друзьям Есенина мое великое горе и сочувствие — Дункан».

*

Совет Народных Комиссаров постановил расходы по по-

хоронам Сергея Есенина принять на государственный счет.

*

1 января в «Доме Герцена», под председательством А. И. Свирского, состоялось организационное собрание по увековечению памяти С. А. Есенина. На нем присутствовала в полном составе комиссия по устройству похорон, родные и близкие друзья С. А.

Собрание избрало 2 комиссии, одну в составе Б. Пильняка, Ю. Либединского и Г. Якулова, поручив ей разработку вопроса о литературном наследстве Есенина, и вторую в составе А. Берзиной, Л. Леонова, А. Малышева и Б. Пильняка для организации траурного заседания памяти покойного.

Внесены следующие пожелания в связи с увековечением памяти Есенина:

- 1) Назвать деревню, в которой родился С. А., и ближайшую к ней ж. д. станцию, его именем;
- 2) Основать в деревне народом или избучитальню, присвоив им имя поэта;
- 3) В Москве и Ленинграде создать приют для беспризорных имени С. Есенина;
- 4) Поставить памятник С. Есенину в Москве;
- 5) Переименовать одну из московских улиц в улицу Сергея Есенина;
- 6) Открыть библиотеку имени поэта и
- 7) Создать при «Доме Герцена» Есенинский уголок.

*

На могиле поэта, на Ваганьковском кладбище, предполагается соорудить надмогильный памятник. Памятник будет сооружен на средства, собираемые Комитетом по увековечению памяти поэта. Комитет предполагает объявить всероссийский конкурс на представление проектов памятника. Состав жюри еще не установлен.

ПОСМЕРТНЫЕ СТИХИ ВСЕНИНА

Клен ты мой опавший, клен заледенелый,
Что стоишь, нагнувшись, под мятелью белой?

Или что увидел? Или что услышал?
Словно за деревню погулять ты вышел.

И, как пьяный сторож, выйдя на дорогу,
Утонул в сугробе, приморозил ногу.

Ах, и сам я нынче что-й-то стал нестойкий.
Не дойду до дома с дружеской попойки.

Там вон встретил вербу, там сосну приметил,
Распевал им песни под мятель о лете.

Сам себе казался я таким же кленом,
Только не опавшим, а во-всю зеленым.

И, утратив скромность, одуревши в доску,
Как жену чужую, обнимал березку.

Декабрь 1925 г.

* * *

Синий туман. Снеговое раздолье,
Тонкий лимонный лунный свет,
Сердцу приятно с тихою болью
Что нибудь вспомнить из ранних лет.

Снег у крыльца, как песок зыбучий,
Вот при такой же луне, без слов,
Шапку из кошки на лоб нахлобучив,
Тайно покинул я отчий кров.

Снова вернулся я в край родимый.
Кто меня помнит? Кто позабыл?
Грустно стою я, как странник гонимый,
Старый хозяин своей избы.

Молча я комкаю новую шапку,
Не по душе мне соболий мех.
Вспомнил я дедушку, вспомнил я бабуку,
Вспомнил кладбищенский рыхлый снег.

Все успокоились, все там будем.
Как в этой жизни радей, ни радей.
Вот почему так тянусь я к людям,
Вот почему так люблю людей,

Вот отчего я чуть чуть не заплакал,
И, улыбаясь, душой погас
Эту избу на крыльце с собакой
Словно я вижу в последний раз.

* * *

Может поздно, может слишком рано,
И о чем не думал много лет,
Походить я стал на Дон-Жуана,
Как заправский ветренный поэт.

Что случилось? Что со мною случилось?
Каждый день я у других колен.
Каждый день к себе теряю жалость,
Не смиряясь с горечью измен.

Я всегда хотел, чтоб сердце меньше
Билось в чувствах нежных и простых,
Что-ж ищу в очах я этих женщин,
Легкодумных, лживых и пустых?

Удержи меня, мое презренье,
Я всегда отмечен был тобой,
На душе холодное кипенье,
И сирени шелест голубой.

На душе лимонный свет заката,
И все то же слышно сквозь туман, —
— За свободу в чувствах есть расплата,
Принимай же вызов, Дон-Жуан.

И спокойно вызов принимая,
Вижу я, что мне одно и то-ж,
Чтить мятель за синий цветень мая,
Звать любовью чувственную дрожь.

Так случилось, так со мною случилось
И с того у многих я колен,
Чтобы вечно счастье улыбалось,
Не смиряясь с горечью измен.

Декабрь 1925 г.

* * *

Издатель славный! В этой книге*
Я новым чувствам предаюсь,
Учусь постигнуть в каждом миге
Коммуной вздыбленную Русь.

Пускай о многом неумело
Шептал бумаге карандаш,
Душа спросонок хрипло пела,
Не понимая праздник наш.

Но ты видением поэта
Прочтешь не в буквах, а в другом,
Что в той стране, где власть советов,
Не пишут старым языком;

И, разбирая опыт смелый,
Меня насмешке не предашь,
Лишь потому так неумело
Шептал бумаге карандаш.

* Это стихотворение адресовано И. И. Ионову.

Книга о которой говорится в стихотворении — сборник стихов «Ржаной путь» (готовится к печати).

БИБЛИОГРАФИЯ

І. Стихи и поэмы:

1. **Радуница**, П., 1916 г., изд. М. В. Аверьянова, 61 стр.
2. **Радуница**, М., 2-й год 1-го века (1918 г.), 2-е изд. «Моск. Труд. Артели Художн. Слова». 75 стр.
3. **Радуница**, М., 1919 г., изд. то же.
4. **Радуница**, М, 1921 г., изд. «Имажинисты». 46 стр., тир. 4.500 экз.
5. **Голубень**, П., 1918 г. изд. «Скифы».
6. **Голубень**, М., 1920 г. изд. «Моск. Труд. Артели Художн. Слова», 75 стр.
7. **Иисус Младенец**, П., 1918 г., изд. «Сегодня», с рис. худ. Е. Туровой.
8. **Иисус Младенец**, Чита, 1921 г., изд. «Скифы».
9. **Сельский часослов**, поэма, М., 2-й год 1-го века (1918 г.), изд. «Моск. Труд. Артели Художн. Слова», 28 стр.
10. **Преображение**, М., 2-й год 1-го века (1918 г.). изд. то же, 67 стр.
11. **Преображение**, М., 1921 г., изд. «Имажинисты», 45 стр.
12. **Трерядница**, М., 1920 г., изд. «Злак».
13. **Трерядница**, М., 1921 г., изд. «Имажинисты» (29 нenum. стр.), тир. 1000 экз.
14. **Исповедь хулигана** (без обознач. места издания и изд-ва), 1921 г. (14 нenum. стр.).
15. **Триптих**, поэмы, Берлин (1921 г.), изд. «Скифы», 29 стр.
16. **Пугачов**, М., 1922 г., изд. «Имажинисты», 54 стр., тир. 1.000 экз.
17. **Пугачов**, П., 1922 г., изд. «Эльзевир», 64 стр., тир. 5.000 экз.
18. **Пугачов**, Берлин, 1922 г., изд. «Русск. Универс. Изд-во», 61 стр.
19. **Избранное**, М., 1922 г., изд. Госуд. Изд-ва, 115 стр., тир. 1.500 экз.

Ποδολομάντι οβινάρο
Αβίαρσ πομ σιρηνί τζορσ
Πορσσ πορ νηγορο εβζορσ
Σερρσο δουστάνι γζορσ.

Πορσσ πορ νηγορο εβζορσ
Ζορσ πορ νηγορο εβζορσ
Πορσσ πορ νηγορο εβζορσ
Κορσ πορ νηγορο εβζορσ.

Πορσσ πορ νηγορο εβζορσ
Πορσσ πορ νηγορο εβζορσ
Πορσσ πορ νηγορο εβζορσ
Πορσσ πορ νηγορο εβζορσ.

Γιορσ. 16.

Γιορσ. 16.

20. **Москва кабацкая**, Л., 1924 г. (изд-во не обозначено), 43 стр., тир. 3.000 экз.
21. **Стихи** (1920-24 г.), М.-Л. (год издания не обозначен), изд. «Круг», 86 стр., тир. 3.000 экз.
22. **Страна советская**, Тифлис, 1925 г., изд «Советский Кавказ», 62 стр., тир. 5.000 экз.
23. **Русь советская**, Баку, 1925 г., с предисл П. Чагина, изд. «Бакинский Рабочий», 80 стр., тир 4.000 экз.
24. **О России и революции, стихотв. и поэмы**, М., 1925 г., изд. «Современная Россия», 94 стр., тир. 5.000 экз.
25. **Персидские мотивы**, М., (год издания не обозначен), (1925), изд. «Современная Россия», 48стр., тир. 5.000 экз., из них 100 экз. нумеров.
26. **Избранные стихи**, М., 1925 г., изд. «Огонек», 46 стр., тир. 50.000 экз.
27. **Березовый ситец**, М., 1926 г., изд. Госуд. Изд-ва, 99 стр., тир. 4.000 экз.
28. **Песнь о великом походе**, М., 1926 г., изд. то же, 52 стр. с рис худ. И. Ф., тир. 20.000 экз.
29. **Собрание стихов и поэм**, т. I., Б.-М.-П. 1922 г., изд. З. Гржебина, 178 стр.
30. **Стихи скандалиста**, Берлин, 1923 г., изд. Благова, 231 стр.
31. **Товарищ. Инония**, Берлин (1923 г.), изд. «Скифы».

II. Статьи:

1. **Ключи Марии** (мысли о творчестве), М, 1920 г., изд. «Моск. Труд. Артели Художн. Слова», 42 стр.

III. Проза:

1. **«Яр»**, повесть. «Сев. Зап.», 1916 г. 2, 3, 4-5.

IV. Сборники:

(в сотрудничестве с друг. авторами)

1. **«Красный Звон»**, под ред. Р. И. Иванова-Разумника. Участники: **С. Есенин**, Н.Клюев, С. Клычков, П. Орешин и А. Ширяевец, П., 1918 г., изд. «Революционная Россия».
2. **«Золотой Кипяток»**. Участники: С. Есенин, А. Мариенгоф и В. Шершеневич, М., 1921 г., изд. «Имажинисты» (32 нenum. стр.). тир. 1.500 экз.
3. **«Имажинисты»**. Участники: **С. Есенин**, Р. Ивнев и А. Мариенгоф. изд. то же.
4. **«Конница бурь»**, № 1. Участники: **С. Есенин**, Р. Ивнев, А. Мариенгоф и др., изд. то же.
5. **«Конница бурь»**, № 2. Участники: **С. Есенин**, А. Ганин, А. Мариенгоф, изд. то же.
6. **«Плавильня Слов»**. Участники: **С. Есенин**, А. Мариенгоф, В. Шершеневич, изд. то же.
7. **«Харчевня зорь»**. Участники: **С. Есенин**, А. Мариенгоф, В. Хлебников, изд. то же.
8. **«Звездный бык»**. Участники: **С. Есенин**, А. Кусиков, М., 1921 г., изд. то же, 15 стр. 6.000 экз.
9. **«Поэзия большевистских дней»**, («Книга для всех», №№ 2-3), Берлин, 1921 г., изд. «Мысль», 125 стр. Участники: **А. Блок, А. Белый, И. Эренбург, С. Есенин, В. Каменский, В. Шершеневич, А. Мариенгоф, Р. Ивнев, Г. Владычина, Г. Сидоров, А. Оленин, А. Случановский, П. Орешин, Б. пастернак, И. Грузинов, С. Заров, Н. Агнивцев.**
10. «Поэты наших дней», антология, М. 1924 г., изд. «Всеросс. Союза Поэтов», 107 стр. (89 участников).
11. **«Конский сад»**, («вся банда»), М, 1922 г., изд. «Имажинисты», 16 стр., (Участники: Грузинов, **Есенин**, Ивнев, Кусиков, Мариенгоф, Ройзман, Шершеневич, Эрдман).
12. **«Явь»**, М., 1919 г., изд. «Явь», 69 стр., (Участники: **А. Белый, Г. Владычина, С. Есенин, Р. Ивнев, В. Каменский, А. Мариенгоф, А. Оленин, П. Орешин, Б. Пас-**

тернак, С. Рексин, С. Спасский. И. Старцев, В. Шершеневич).

13. **«Русская поэзия XX века»**, антология русск. лирики от символизма до наших дней, составили: И. С. Ежов и Е. И. Шамурин, с вводной статьей Вал. Полянского, М., 1925 г., изд. «Новая Москва», LXVI+671 стр. (24 стихотв. Есенина из 7 книг, отрывок из автобиографии и краткая библиография),

14. **«Книга для чтения по ист. новейш. русск. лит-р.»**, рабоче-крест. творч. за 30 лет, составил В. Л. Львов-Рогачевский, Л. 1924 г., изд. «Прибой», 428 стр. (11 стихотв. Есенина, автобиогр. и статья составителя).

15. **«Весенний салон поэтов»**, М., 1918 г., изд. «Зерна».

16. **«Современные рабоче-крестьянские поэты»**, составил П. Я. Заволокин, Ив.-Вознес., 1925 г., изд. «Основа».

Столичная пресса о С. Есенине

1. **Г. Устинов** — Сергей Есенин и его смерть («Веч. Красн. Газ.», № 314).

2. **Б. Лавренев** — Казненный дегенератами («Веч. Красн. Газ.», № 315).

3. **В. Рождественский** — Есенин («Веч. Красн. Газ.», № 315).

4. **В. Пяст** — Погибший поэт («Веч. Красн. Газ.», № 314).

5. **Н. Тихонов** — Из встреч с Есениным («Веч. Красн. Газ.», № 316).

6. Несколько строк о С. Есенине (заметки: **С. Семенова, В. Каверина, М. Слонимского, П. Никитина, А. Толстого и Е. Полонской**), («Веч. Красн. Газ.», № 316).

7. **В. Финк** — О казненных дегенератами («Веч. Красн. Газ.», № 316).

8. **А. Зоров** — Трагедия богемы («Веч. Москва», № 296).

9. **О. Литовский** — Памяти Сергея Есенина («Наша Газета», № 1).

10. А. Лежнев — Сергей Есенин («Правда», № 297).

11. **Л. Авербах** — Памяти Есенина («Известия», № 298).
12. **П. С. Коган** — Есенин («Веч. Москва», № 298).
13. **Он-же** — Сергей Есенин («Красн. Панор.», № 2).
14. **Э. Герман** — Сережа («Веч. Москва», № 298).
15. **И. Садофьев** — Сергей Есенин («Ленингр. Правда», № 300) и в сокращении («Жизнь Иск.», № 1, за подписью И. С).
16. **С. Городецкий** — Сергей Есенин («Искусство Трудящимся», № 1).
17. **М. Левидов** — Смерть учит («Веч. Москва», № 3).
18. **С. Борисов** — К биографии Сергея Есенина («Красная Нива», № 2).
19. **С-в** — Сергей Есенин («Веч. Красн. Газ.», № 3).
20. **В. Инбер** — Сергей Есенин («Нов. Зрит.», № 2).
21. **А. Крученых** — Драма Есенина. М. 1926 г. изд. В. С. П. 16 стр.
22. **Л. Троцкий** — Памяти Сергея Есенина («Правда», 1926, № 15 и «Огонек», 1926, № 5).

СОДЕРЖАНИЕ

	<i>Стр.</i>
Вместо предисловия	5
Автобиография С. Я. Есенина	9
Автобиография	17
О себе	23
Смерть Сергея Есенина. Хроника событий	29
Посмертные стихи Есенина	51
Библиография	56
Столичная пресса о С. Есенине	61

Снимки и репродукции:

1--6. Портреты С. Есенина	3, 7, 11, 15, 19, 27
7. Гравюра на дереве М. Иваницкой	29
8. С. Есенин в гробу	31
9. В Ленинградском Союзе Писателей	34
10. На Октябрьском вокзале	37
11. В Доме Печати	39
12. Похороны (у Дома Герцена)	41
13. У памятника Пушкину	43
14. Речь В. Кириллова	45
15. Факсимиле неизданного стихотворения Есенина (1916 г.)	57

СОФЬЯ ВИНОГРАДСКАЯ

КАК ЖИЛ
СЕРГЕЙ ЕСЕНИН

БИБЛИОТЕКА „ОГОНЕК“

№ 201

АКЦ. ИЗД. О-ВО „ОГОНЕК“

МОСКВА — 1926

*«Есть одна хорошая песни у соловушки,
Песня панихидная по моей головушке».*

С. Есенин.

Эти строки — не воспоминания. Это лишь наброски, штрихи того Есенина, каким его удавалось видеть и наблюдать в течение нескольких лет, когда он бывал «с самим собой», «дома». Дальше этого живого осязания Есенина сейчас трудно пойти.

Есенин у всех в памяти запечатлен, почти заштампован своими синими глазами, кудрявой золотой головой, рассеянной улыбкой; и еще в представлении многих — озорным, пьяным, с бранью на устах; и еще — бросающим в переполненный зал чудесные слова своих стихов.

Но его редко видали злым, грустным, ежащимся от холода, целый осенним, плачущий дождем день лежащим в постели, куря одну за другой папиросы; его мало видали веселым, с неподражаемо-тонким юмором изображающим мужиков или когда в кругу близких возьмет он кого-нибудь в «переплет» ни весь вечер и всех превзойдет в изобретательности, доводах и способах довести свою «жертву» до белого каления, или ноющим под гармонь, с припевом, притоптыванием и посвистом песни, или ведущим бесконечно-длинные разговоры с сестрами и матерью в приезде последней.

*

Как жил Есенин?

Внешне — жил странно, не по-обычному. Шумно, неспокойно. Вокруг него постоянно галдела ватага людей, среди которой он был самым шумным, самым галдящим. Те квартиры, где жила Есенин, знали все, кроме покоя. И не то, чтобы он шумом своим заполнял всю квартиру, — он квартиру и ее обитателей приводил в движение, заставлял

их вести общую с ним жизнь. Там, где он бывал, все жило им.

Есенин не чувствовал разницы между днем и ночью. Самые важные дела он собирался выполнять ночью. Ночами звонил по телефону, поднимался ночью с постели и отправлялся к знакомым, не глядя на часы. Когда его спрашивали, почему он является или звонит по несколько раз по телефону ночью, он удивленно, с неизменно рассеянной улыбкой отвечал:

— Разве? А я и не знал, что уже ночь. Я и не подумал.

Все это у него получалось вдруг, неожиданно, так же неожиданно, как его отъезды и приезды.

В один миг надумает поездку, и через час или день поезд мчит его в деревню, на север или на юг, на запад или восток. Станут его отговаривать от поездки, доказывать ненужность ее, а он:

— Да нет, да знаете, ведь мне очень нужно поехать, да, да! Нужно! Понимаете, нужно!

Слова «да, да», «нужно» фигурировали в его разговоре очень часто, произносились они так, точно он ими себя, а не другого старался убедить. Говорил он их тише, немного про себя, склонив полузадумчиво голову.

Еще о словах. Есенин мог долго, без устали, без конца твердить одно и то же слово, одну и ту же фразу, из которых самая характерная была — «да, он мне друг». Коснувшись в разговоре кого-нибудь из друзей, он с различными вариациями повторял — «он мне друг, да, он мне друг», беспрестанно возвращаясь к этой фразе на протяжении долгой беседы, которая длилась часами, часто до зари.

Беседовать с Есениным можно было без конца. Он был неиссякаем, оживлен, интересен в своих разговорах, словах, политических спорах, полных подчас детской наивности, удивительного, но милого непонимания самых элементарных в политике вещей.

— Ну, что это все — «Маркс, Маркс!»

— А что такое «Капитал»? — Бухгалтерия, — скажет он.

Дружный хохот служит ему ответом, а сам он, с мальчишеским задором оскалив рот, смотрит на всех с видом меньшого, который рассмешил старших.

И вдруг сорвется с места звонить по телефону — опять всем на потеху, ибо он не умел созваниваться и, вместо того, чтобы назвать нужный номер, вступал в разговор с телефонисткой, объясняя ей, что ему нужно. Когда же она отказывалась его понимать, он бросал трубку вместе с какой-нибудь фразой, вроде:

— Срочно требуется жениться, понимаете?

*

Он был песенником. Его стихи — песни. Их не только читают, но поют. Дома постоянно придумывали мотивы к его стихам и пели их его сестры, мать, друзья. Стихотворение «Есть одна хорошая песня у соловушки» было им написано на Кавказе и кем-то там переложено на музыку. По приезде в Москву, он часто пел его. Но больше всего он любил русские песни. За ними он проводил целые вечера, а иногда и дни. Он заставлял петь всех, приходивших к нему. Песней можно было его удержать дома, когда он, простуженный, собирался в дождь и слякоть выходить на улицу, песней можно было прогнать его плохое настроение и песней же можно было привести его в какое угодно настроение. Он знал песню, как теперь редко кто знает, и любил ее — грустную, задорную, старинную, современную. Он понимал песню, чувствовал ее как-то по-особенному, по-своему. Большой радостью бывало для него подбить свою мать на песни; споет она, а он говорит: «Вот это песня! Сестры так не умеют, это старая песня».

И сестренку свою, приехавшую из деревни, лицом и голосом похожую на мать, он просил:

Ты запой мне ту песню, что прежде
Напевала нам старая мать.
Не жалея о сгибшей надежде,
Я сумею тебе подпевать.

Я ведь знаю, и мне знакомо,
Потому и волнуй и тревожь —
Будто я из родимого дома
Слышу в голосе нежную дрожь.

Ты мне пой, ну, а я с такою,
Вот с такою же песней, как ты,
Лишь немного глаза прикрою —
Вижу вновь дорогие черты.

Ты мне пой. Ведь моя отрада —
Что вовек я любил не один
И калитку осеннего сада,
И опавшие листья рябин.

Ты мне пой, ну, а я припомню
И не буду забывчиво хмур.
Так приятно и так легко мне
Видеть мать и тоскующих кур.

Я навек за туманы и росы
Полюбил у березки стан
И ее золотистые косы,
И холщовый ее сарафан.

Потому так и сердцу не жестко
Мне за песнями и за вином
Показалась ты той березкой,
Что стоит под родимым окном.

Но не только песню. Гармонь и пляску он любил не меньше. Болезнь горла, легких отнимала у него голос. Он не мог больше петь, стихи свои он читал тихо, но пляс и гармонь остались.

Он чудесно плясал — то разудало, в присядку, с притоптыванием, то легко, чуть двигаясь, шевеля одними носками ног, едва поводя плечами, плавно двигая руками, с платочком меж пальцев, то бурно, безостановочно кружась,

то без удержу отделявая трепака под аккомпанемент неизменной гармошки. Гармонь вообще занимала у него большое и почетное место, почти такое же, какое она заняла в его стихах. И он ухитрялся в Москве обеспечить себя игрой на гармошке. У него в квартире не раз играли лучшие гармонисты Москвы, и просто гармонисты, и весьма плохие гармонисты.

Всех парней, которые в воскресный вечер наигрывают на гармошке у подворотни, он таскал к себе. Идет по делу, услышит — где-то гармошка играет, и отправляется на ее звуки; через некоторое время он с новоявленным гармонистом шагает домой, позабыв о деле.

Однажды днем он заявился на квартиру с таким гармонистом, который на этот раз оказался женщиной. Где он ее отыскал, осталось неизвестным. В квартире он никого не застал; поведив ее безуспешно по другим знакомым и, также никого не найдя дома, он отпустил ее. Вечером он пришел, плясал, читал стихи, забыл про вино, которое притащил пришедший с ним «услужливый друг», но весь вечер говорил про гармонистку, которая «как никто» играет! Он был в бешенстве, что отпустил ее, что не может показать, как она играет.

Посмотрев в театре «Блоху», он целые дни пел: «Она, моя хорошая, забыла про меня», упираясь ногами в пол и растягивая руки, как гармонь, и всем советовал пойти на «Блоху».

Он и в деревню ездил на чью-то свадьбу, всех звал с собой, захлебываясь заранее от восторга и удовольствия послушать старинное пенье, посмотреть пляску. Правда, вернулся он оттуда сердитый, ничего не рассказывал, а когда его спросили про свадьбу, он со злостью отвечал, что больше в деревню не поедет.

Это было в начале лета.

*

Есенин любил предаваться воспоминаниям. Весенними ночами, вечерами ранней осени гуляя с друзьями по

московским бульварам, он рассказывал и вспоминал. За воспоминаниями коротались зимние ночи, летние поездки. Вспоминал детство, разлад в семье родителей, жизнь у деда. Мать свою он в детстве принимал за чужую женщину и когда она приходила к деду, где жил Есенин, и плакалась на неудачи в семье, он утешал ее:

— Ты чего плачешь? Тебя женихи не берут? Не плачь, мы тебе найдем жениха, выдадим тебя замуж.

Вспоминал он и хождение по святым местам, и сельских товарищей, и подготовку «на учителя», и занятия в университете Шанявского, и молодые увлечения.

Мне припомнилась девушка в белом,
Для которой был пес — почтальон.

Воспоминания давали нить его жизни, заполняли все ее периоды. Только в воспоминаниях о поездке в Европу и Америку он был скуп. Он не любил говорить об этом, и из случайно оброненных им фраз осталось впечатление о сплошных скандалах по ресторанам и большой, мучительной, одолевавшей его там тоске.

— Когда приехали мы в Америку, — рассказывал он, — закатали нам обед роскошный. Ну, блестели там скатерти, приборы. От вина, блюд и хрусталя всякого стол ломился, а кругом все хари толстые, с крахмальными грудями сидели — смотреть было тошно. И так это мне скучно стало, и поделаться ничего не могу. Интернационал — и то спеть не стоит, — не поймут, не обозлятся даже. Я это с тоски взял да и потянул скатерть со стола. Все на пол поехало да им на манишки. Вот дело-то было! Ха-ха-ха!..

Это рассказано было мимоходом, когда к слову пришлось. Здесь не было упоения собственным воспоминанием, как то бывало обычно, когда он рассказывал о первом своем посещении Блока или о жизни на Новой Земле, или о чем-нибудь другом.

На Новую Землю он бежал дезертиром во времена Керенского. Рассказывал он о жизни своей там в избе с земляным полом, о борьбе за существование и о борьбе с боль-

шими прожорливыми птицами, которые забирались в комнату и уничтожали все запасы пищи и воды. Воду покрывали крышкой, на которую накладывали тяжелые камни, а птицы опрокидывали крышку и опорожняли кадку; они уносили вилки, ложки. Больше всего и запомнилось описание этих птиц,— больших, беспокойных, сильных птиц. И сам Есенин, похожий на белую нежную птицу, словно выросал, когда характерным движением рук описывал их. Он точно ощущал их и говорил:

Птицы милые, в синюю дрожь
Передайте, что я отскандалил.
Пусть хоть ветер теперь начинает
Под микитки дубасить рожь.

*

О крестьянах и с крестьянами Есенин особенно любил говорить. В приезды матери велись бесконечные разговоры о деревне. Мать передавала ему привет от стариков-крестьян, которые слышали, что он «поэт», что это у коммунистов большой пост и жалованье хорошее.

Есенин гогочет, переспрашивает, расспрашивает про житье. Мать начинает ворчать, жаловаться: отец больной, управиться трудно, налоги большие, а хозяйство бедное, лошади нет.

Незаметно беседа принимает политический характер и, сопровождаемая крепким русским словом, переходит в большой спор.

— Чего ты разворчалась — «плохо да плохо»! Раньше лучше было? Царя, что ли, тебе захотелось? Нет, ты мне скажи, мать, раньше лучше было? Скажи, ну, скажи!

— Ну, Серег, ну, отстань. Я не знаю, лучше было или хуже.

— А не знаешь, так что ж ты... скулишь? Ты ж, старуха, на советскую власть скулишь!

— Да не на ее я, а на налог. Чтой-то он уж очень-то большой выходит, где ж взять-то денег столько?

— Как столько? Какого чорта говоришь — столько! Ведь теперь меньше платишь, чем при царе платила. Ведь меньше!

— Голубчик ты мой, как же меньше, когда теперь 5 рублей, а тады четыре с полтиной.

— Ах, ты, дура, да ведь деньги-то теперь не те, ведь рубль-то другой, дешевый, ты вот посчитай. Ведь меньше выходит.

— Хоть меньше, а взять негде.

— Как взять негде? Ты, что ль, его платишь? Ведь я же этот налог плачу. А мне кто дает деньги? — Советская власть. Ведь меня с о в е т с к а я в л а с т ь создала. Не будь ее, и меня бы не было, а ты, старая, скулишь на нее. Говори же, ты за кого, за царя или за советскую власть?

— Я за тебя, Сережа!

— А я за советскую власть! То-то! Мужики, говоришь, уважают меня?

— Уважают, Серега, уважают.

— Так передай ты этим сукиным сынам, что я за советскую власть, и если они меня уважают, то должны и власть советскую уважать!

Споры и защита советской власти не ограничивались матерью, а переносились и в круг друзей. Один из крестьянских поэтов Н. с большим пафосом разглагольствовал, что на кой, мол, чорт налог платить нужно. Есенин слушал, слушал, да и разразился: «Ах ты, сволочь, а государство-то на что существовать будет? Пошел ты ко всем чертям».

Это, однако, нисколько не мешало Есенину в другой раз в другом месте самому «поскулить» на советскую власть за налог, за политику в деревне, в которой он, кстати сказать, ничего не понимал.

В деревню он после возвращения из-за границы ездил несколько раз, оттуда он приезжал с ворохом впечатлений, вопросов, споров, рассказов, которые длились буквально дни и ночи.

Вот он, простуженный, лежит, рассказывает спокойно о деревне, где побыл с месяц, и вдруг, срываясь с дивана,

начинает «образно» изображать собрание сельсовета, где мужики,

почесывая зад и перед,
свою обсуживают жись,

приводя тут же корявые, немытые слова, в роде:

«Ежели кто контривулюцынеры, так это первые — бабы, — они пожар тушить не ходят».

Рассказывает про споры стариков из-за копеечной церковной свечки, про грязь, некультурность, отсталость деревни.

— Ну, нельзя, нельзя так дальше. Советская власть должна что-нибудь сделать. Так жить нельзя, — говорит он.

Разговор явно переходит к вопросам политграмоты, и Есенин одновременно и радуется, и звонко хохочет, и злится над деревней и бытом, и жизнью ее.

Через весьма короткий срок эти мысли, разговоры, воспоминания были с удивительной точностью и правдивостью воспроизведены им в стихах о советской деревне.

Правдивость — одна из самых характерных черт творчества Есенина. Будущий биограф установит эту исключительную, непосредственную связь между сюжетом в стихах и событиями в жизни поэта. У него не было «выдуманных» стихов, как это иногда казалось. Каждая строчка его говорит о чем-то конкретном, имевшем место в его жизни. Все — вплоть до имен, которые он называет, вплоть до предметов. У него действительно были и цилиндр, и лакированные башмаки, и черная чадра, и кольцо, что вытащил попугай, и много других вещей, упоминаемых им в стихах. Вещи эти не то что лежали у него так, для декорации (у него вообще ничего декоративного не было), они служили ему в жизни.

Дома он рядился в цилиндр, монокль и лакированные башмаки, разгуливая в них день-деньской по квартире.

— Сергей Александрович! Зачем вы все это надели?

— А так! Мне хорошо в этом, мне легче в этом, да, да! Мне лучше в этом, — ответит он.

И чувствуешь тут же всю ненужность, неуместность своего вопроса. И цилиндром, и моноклем, и лаковыми башмаками он укрывался от самого себя. Ведь он писал:

Я хожу в цилиндре не для женщин...
В нем удобней, грусть свою уменьшив...

Вот именно, он укрывал этими вещами свою грусть и не скрывал, что

Без этих чудачеств
Я прожить на земле не могу.

В стихах он вообще ничего не скрывал. Это была та стихия, где он всего себя обнажал. И, быть может, именно поэтому он в жизни всегда кутался во что-нибудь, закрывал себя чем-нибудь, куда-то прятался.

Дни сплошного шума, гама и песен сменялись у него днями работы над стихом. А потом шли дни тоски, когда все краски блекли в его глазах, и сами глаза его синие блекли, серели. Это были дни какой-то растерянности, когда какими-то отрешьями, клочками трепались в его голове мысли, планы, переживания, мучения, воспоминания. Все переплеталось у него по-особому, созревало в какую-нибудь мысль, за которую он цепко ухватывался, которой он объяснял свое состояние. Несколько таких его мыслей, дум как-то особенно запомнились.

— Вот в Грузии поэтам хорошо: Совнарком грузинский заботится о них, точно о детях своих. Приедешь туда — как домой к себе. А у нас что?

Или начнет говорить о России: — Ну, скажите, как жить в России? если в деревне даже уборных нет?

В один из таких дней тоски он пришел прощаться. Было лето 1925 года. Он уезжал на Кавказ. Лицо его было скомканное, он часто поглаживал волосы, и большая внутренняя боль глядела из глаз его.

— Сергей Александрович, что с вами, отчего вы такой?

— Да, знаете, живу с нелюбимой.

— Зачем же вы женились?

— Ну-у-у! Зачем? Да на зло, вышло так. Ушел я от Гали, а идти некуда. Грустно было, а мне навстречу так же грустно шарманка запела. А шарманку цыганка вертит. И попугай на шарманке. Подошел я, погадал, а попугай мне кольцо вытащил. Я и подумал: раз кольцо вытащил, значит, жениться надо. И пошел я, отдал кольцо и женился.

Есенин замолчал и потом с какой-то таинственностью в голосе добавил:

— А кольцо-то ведь почернело! Понимаете, почернело!

В комнате было тихо. За окном угасал летний день, роняя тени на лицо и одежду Есенина. Он озирался вокруг себя, гладил не вившиеся больше волосы, потом вдруг хлопнул себя по лбу:

— А ведь я забыл принести вам «Персидские мотивы», что обещал. Я их приготовил, надпись сделал и забыл. Что делать?

— Ну, ничего, получу их у вас, когда вернетесь. Ведь мы осенью увидимся.

— Нет, может быть, вы меня больше не увидите. Я их вам лучше почтой пошлю на Волгу. А в Симбирске вы на пристани их получите. Ну, прощайте. Так не забудьте, в Симбирске. А то, быть может, не увидимся.

Есенин уехал. Слова «вы меня, быть может, больше не увидите» всплыли в сознании позже, а история с кольцом, попугаем через неделю была воспроизведена Есениным в виде следующего стихотворения:

Видно, так заведено навеки —
К тридцати годам перебесясь,
Все сильней, прожженные калеки,
С жизнью мы удерживаем связь.

Милая, мне скоро стукнет тридцать,
И земля милей мне с каждым днем.
Оттого и сердцу стало сниться,
Что горю я розовым огнем.

Коль гореть, так уж гореть сгорая,
И недаром в липовую цветь
Вынул я кольцо у попугая —
Знак того, что вместе нам сгореть.

То кольцо надела мне цыганка.
Сняв с руки, я дал его тебе,
И теперь, когда грустит шарманка,
Не могу не думать, не робеть.

В голове болотный бродит омут,
И на сердце изморозь и мгла:
Может быть, кому-нибудь другому
Ты его со смехом отдала?

Может быть, целуясь до рассвета,
Он тебя спрашивает сам.
Как смешного, глупого поэта
Привела ты к чувственным стихам.

Ну, и что ж! Пройдет и эта рана.
Только горько видеть жизни край.
В первый раз такого хулигана
Обманул проклятый попугай.

*

Есенин нуждался в уюте, в простом комнатном уюте, и страдал невыносимо от его отсутствия. Своей комнаты у него не было, жил он вместе с друзьями и сестрами, иногда по четыре-пять человек в небольшой, необставленной комнате. Это на нем сильно отражалось. Большой эстет по натуре, с тонким вкусом, невероятно чистоплотный, он не мог работать в этих условиях. И, чтобы хоть немного скрасить холод голых, без обоев, давно не беленных стен и зияющих окон, он драпировал двери, убогую кушетку, кровать восточными и другими тканями, затягивал окно темной материей, зажигал с утра электрический свет, завешивал

вал яркой шалью висячую, без абажура лампу. Ему теплей становилось в этой пестро завешанной комнате, укрывшей от него серое, нависшее тучами, промозглое, туманное небо. Он и голову свою иногда повязывал цветной шалью и ходил по комнате, неизвестно на кого похожий.

— По повязке — испанский малый, а по волосам, по золотым кудрям — как бы не так!

Больше, понятно, к этой голове подходили васильки. И однажды его, сонного, осыпали васильками. На подушке, залитая солнечными лучами, утопая в васильках, обрамленная воротом шелковой рубашки, лежала чудесная золотая голова!..

Он проснулся, синие васильки глянули из его глаз, солнце и васильки веселили его, радовали. И он неугомонно ходил по квартире, говорил, шутил, смеялся, был необычайно ласков и нежен со всеми.

Нежность, ласковость! — в нем этого было так много. Он с людьми оставался

попрежнему такой же нежный.

Он людям не только хотел «нежное сказать», но и говорил.

Нежный, мягкий и галантный! Особенно с женщинами. В личных разговорах с ними и по телефону он с необычайной задушевностью, лаской говорил: «Милая, здравствуйте, целую ваши ручки. Это — я, Есенин. Да, я приехал! Как вы поживаете, мой хороший друг? Я к вам приду и стихи прочитаю».

И он приходил, приходил тихий, и просто, скромно, почти застенчиво читал свои стихи.

Одиночества Есенин не выносил (а он был одинок!). Чутко воспринимал отношение к нему людей. Участие, проявленное к нему, оказанные ему услуги он не забывал. Присутствие друзей, их внимание умиротворяли его, смягчали холод его жизни.

Он был до болезненности чуток к отношению к нему окружающих. Чуток и подозрителен. Проявленное к нему

равнодушие или пренебрежение словно пришибало его. Он бывал тогда похож на обиженного ребенка, который не хочет сознаться в том, что его обидели. Здесь у него действовали не одно, а три чувства — обида, честолюбие и... я затрудняюсь назвать это третье чувство, но оно было похоже на раболепие перед всем, что имеет чин, имя, силу, славу.

«Я — Есенин!»

«Кто? Я? Есенин? Кому? Мне — Есенину? Скажите им, что я — Есенин — плюю на них. Угощаю сегодня я — Сергей Есенин; плачу я — Сергей Есенин. Мне — Есенину — с вами не пристало разговаривать. Я — Есенин, а вы кто? Вы — ничего, нни-че-го!» — вот лексикон Есенина при встречах, знакомствах, столкновениях.

И на-ряду с этим совсем непритворное чинопочитание, раболепие перед знаменитостью. — «О, он большой у коммунистов; он редактором “Известий” будет». — «Ну, я понимаю, ведь вы с Бухариным знакомы».

«А знаете, у меня сегодня будет Качалов, да, Качалов. Мы с ним друзья».

«Хотите позвоню сейчас Мейерхольду, чтоб гармонистов своих мне прислал».

Проявлялись у него и другие, не менее неожиданные, на первый взгляд, черты. — Швыряя деньги налево и направо, пропивая их, теряя — неизвестно где, раздавая — неизвестно кому, он вдруг мог прийти в бешенство от того, что дома без его ведома истратили деньги или что кто-то ему не вернул долга. Покойного Соболя он однажды весь вечер порывался бить за то, что тот не вернул ему 25 рублей. Почему он запомнил этот долг, когда он Соболю давал займы не раз, осталось непонятным.

И еще, — вещи его, как известно, были разбросаны по всем городам России, от Ленинграда до Баку. Он их не мог никогда собрать, они пропадали целыми чемоданами, его обкрадывали немилосердно, а он не делал никаких почти попыток уберечь их. Но однажды он съехал с квартиры товарища, у которого жил. Съехал он в отсутствие того и

увез с собою все комнатные принадлежности вплоть до занавесок.

— Все мое! Все забрать, чтоб ничего не осталось!

Все это проявлялось неожиданно, резко, потом исчезало, словно для того, чтобы уступить место другой, более поразительной, как это было в истории с Дункан, черте.

С лета 1924 года он поселился на Брюсовском пер., у Г. А. Бениславской. С Дункан он больше не встречался. Иногда в разговоре упоминал лишь о том, что она умная и талантливая женщина, или посмеивался над шалью, которую она ему прислала с Кавказа, так как эта шаль ей напроминает его голову. Вдруг он исчез, неизвестно куда, на 3 дня. На четвертый день вернулся, как оказалось от Дункан. Он был совершенно разбит, плакал и при мысли, что она может прийти, испытывал животный страх, еще пуще плакал и просил не пускать ее.

Спустя некоторое время он с М. отправился к ней. Вдруг ему показалось, что кто-то вошел в дом, что это идет за ним; он заметался по комнате и выскочил в окно со второго этажа. На извозчике во весь опор, словно убегая от кого-то, он примчался домой. Он подробно рассказал, как за ним пришли, как он выскочил в окно; требовал скорее ужинать, так как скоро «они» явятся за ним сюда. Но он «их» перехитрит. Он уже заготовил веревку, и, когда «они» придут, он спустится по веревке с седьмого этажа, и — поминай, как звали. Он был весел, как мальчишка, радовался своей затее, предвкушая удовольствие надуть «их». Уставши, он лег спать, забыв наутро о ночном преследовании.

Но эта подозрительность осталась. Направляясь из своей комнаты вдоль темного коридора к телефону, он крался, как кошка, и к телефону подходил как-то боком.

Чего он боялся, нельзя было узнать, так же, как трудно было угадать его мысли, как невозможно было переубедить его в чем-нибудь, как непонятна была его дружба или привязанность к тому или иному человеку.

Он искал пристанища, искал уюта, тепла. Но ничего этого у него не было. Он был беспомощен, как двухлетний ре-

бенок; не мог создать нужной для себя обстановки, устроить просто, по-человечески свою жизнь. И, вместе с тем, он умел заботиться о других.

Он помогал семье, взял из деревни сестер, учил их, конечно радовался школьным успехам сестренки, ее детским рисункам.

Интересно отношение Есенина к молодым, начинающим поэтам. Их много приходило к нему, и в судьбе многих из них он принял немалое участие. Это было участие не только советом; он оказывал многим жизненную поддержку. При своей неустроенной, безалаберной, беспашной жизни, он находил все же время заняться этими младшими друзьями, учениками. Бездомные, без денег, они находили у него приют, ночлег; а ко многим он настолько привязывался, что втягивал их в свою жизнь. Они уже тогда являлись не только его учениками, но и необходимыми атрибутами его личной жизни, поездок, хождений по редакциям, шатаний по кабакам и отделениям милиции. Это были — «есенинские птенцы». Один из них, — безусловно, способнейший его ученик, — настолько ввязался в его жизнь, что постепенно опорожнил его кошелек, карманы, чемоданы. А после суда над четырьмя поэтами, и в том числе над Есениным, пустился на то, что собирал в литературной среде деньги «на бедность Есенина» и прокутил их в Питере.

Интересно, что Есенин узнавал про эти проделки, но никаких почти мер не принимал. И когда окружающие с возмущением требовали, чтобы он этого «ученика» прогнал в три шеи, он с хохотом говорил:

— Не могу. Талантлив он. Хоть и прохвост, хоть и мерзавец, а стихи хорошо пишет. Пропадет он без меня.

Одно время он все же прогнал его от себя, но исключительно потому, что разуверился в нем, как в поэте. Прогнал он его с отповедью:

— Ты понимаешь, ты вот — ничего. Что ты списал у меня — то хорошо. Ну, а дальше? Дальше нужно свое показать, свое дать. А где оно у тебя? Где твоя работа? Ты же не

работаешь? Так ты — никуда! Пошел к чертям. Нечего тогда с тобой возиться.

А вот другой пример, когда Есенин заинтересовался незнакомым, начинающим поэтом. Это был комсомолец, приславший ему по адресу «Прожектора» письмо со стихами. Есенин тогда находился в санатории, и письмо было доставлено ему с большим опозданием. Он обратил внимание на стихи комсомольца и решил ему ответить. Зная свою безалаберность и забывчивость, он теребил свою сестру достать ему бумагу, перо и написал ему подробное, обстоятельное письмо. Он извинялся за вынужденный поздний ответ, давал отзыв о присланных стихах, ободрял поэтическое начинание и давал конкретные указания: «следите за расстановкой слов» или «так не надо писать». Письмо он послал 12 декабря, за две недели до смерти. Восторженное, полное дикой радости ученика ответное письмо комсомольца, где он писал, что комсомольцы-поэты города Николаева знают своего учителя Есенина, пришло уже после смерти.

К людям, преданным ему, Есенин нередко проявлял и невнимание, и грубость, но по натуре он все же был нежным, внимательным.

Расшумевшись ночью в квартире или растревожив всех ночными звонками, он утром долго и мило извинялся перед соседями.

Он любил бывать с семьей, подурачиться, повеселиться, пошалить.

Оставшись один в комнате, он принимался за «уборку»: вытаскивал откуда-то школьные рисунки и развешивал их по стенам, а на карниз оконной занавески усаживал кошку, которая там нещадно мяукала. Все это он делал в ожидании прихода родных; они же, как нарочно, долго не приходили, и кошку приходилось снимать с карниза, к большой досаде Есенина.

Возвращаясь из деревни в Москву, он брал с собой живую курицу, сажал ее на голову, и в таком виде приезжал на квартиру.

Однажды он с утра отправился с сестрой в город погулять. Они бродили по улицам, останавливаясь у всех ларьков и лукошек, дурачились. На Пречистенском бульваре он увидел у ребенка маленькую гармонь. Мимо гармони он, дело ясное, не мог пройти равнодушно. И через минуту Есенин уже стоял с сестрой перед фотографом, задрал голову, притоптывая ногой и наигрывая на детской гармошке.

Но Есенин был не только шалуном, проказником. Он называл себя хулиганом. Он скандалил.

Обычно скандал начинался, когда у Есенина появлялся «враг». Не было у него «врага», и он его выдумывал или находил. Нетрезвый, он всегда рассказывал о ком-то, обиравшем его когда-то, и о «расправе», которую он тому готовит; или выбирал себе «врага» из присутствующих. Одному знакомому, чем-то ему однажды не понравившемуся, он пожелал «нос поправить», предварительно потребовав, чтобы тот снял с ноги башмак. Нужно сказать, что у Есенина была большая физическая сила, и такое намерение грозило последствиями. Пришлось вмешаться, и после нескольких слов увещевания Есенин мирно сидел в другом углу комнаты, забыв о своем «враге» и намерении «поправить нос». Это были обычные истории, которые быстро прекращались, если присутствующие умели подойти к Есенину. И эти же истории легко переходили в скандал в компании тех «друзей», которые, вместо того, чтобы отвлечь его внимание от того, что его раздражало и вызывало злобу, подбивали его на скандал. Вся эта, неизвестно откуда появлявшаяся, разношерстная компания, жившая за его счет, пропивавшая его деньги, в такие минуты только поддакивала ему, а иногда и втягивала его в скандал. Эти «друзья» умели трагически бить себя в обнаженную грудь, твердить, что он да они — поэты — соль земли, да истошно плакать:

— Ах, Сережа, смысл ты мой!

— Ах, на Руси только мы с тобой!

Нельзя сказать, чтобы он им цену не знал. Он не раз говорил о них с омерзением, называл их глупыми, без-

дарными. Об одном из них он рассказывал, что тот написал 20 томов, и ни один из них не увидел света. «А книжки его, — говорил Есенин, — ведь никому не нужны! Кто это... читать станет! А он все плачет: «Ах, Сережа, не печатают, понимаешь, это меня-то, меня не печатают!»

Он едко высмеивал всех этих «друзей», заявляя, что ушел от них, что он бежит от них, как от чумы, что с ними «можно черт знает до чего дойти».

Уйти-то он от них ушел, но, к сожалению, он был им нужен, и они н а х о д и л и его; пусть на день, пусть на час, но находили! И он, хоть и понимал, что ему с ними не по пути, что не друзья они ему, что им верить нельзя, все же шел с ними опять, когда они его находили. Потребность иметь друзей была у него велика, и потому очень легко втирались в его доверие и жизнь все те, кому он нужен был, кому он был выгоден. И это — несмотря на то, что Есенин людям не верил, был, что называется, «себе на уме» и людей видел насквозь.

Настоящие друзья, беззаветно преданные ему, искренне любившие его, готовые на жертвы ради него, подчас меньше располагали его доверием, пользовались меньшим влиянием. Он это сам сознавал.

Чем привлекали его эти «друзья»? Многим. Кто любовью, кто лестью, а кто игрой на слабых струнках Есенина.

Есенин, как всякий большой талантливый поэт, был горд, самолюбив. Есенин считал, что он

«в России самый лучший поэт»,

и требовал соответственного к себе отношения. В жизни же он иногда встречал к себе отношение не как «к самому лучшему поэту», а как к скандалисту, хулигану. Некоторые, действительно, из-за его пивных скандалов не хотели видеть в нем талантливейшего поэта. Это его злило, задевало. И когда он лично сталкивался с такими людьми, то с какой-то злой, нехорошей насмешкой говорил: «Это я — Есенин! Знаете, есть такой поэт, пишет неплохие стихи».

Вот эту-то черту, эту-то больную сторону Есенина подхватывали его так называемые «друзья», ее-то они расстреливали, говорили ему, что его, как и их, мало ценят — «на Руси только мы с тобой».

Но скандалы Есенина имели и другую подкладку. Он сам говорил, что скандалы служили ему материалом для поэзии.

И похабничал я и скандалил
Для того, чтобы ярче гореть.

Часто они вызывались просто озлоблением, ответом на то, что его прозвали скандалистом. Все равно, мол, считают хулиганом, так уж буду хулиганить во-всю, чтобы небу жарко стало.

Мне осталась одна забава:
Пальцы в рот — и веселый свист.
Прокатилась дурная слава,
Что похабник я и скандалист.

А услужливые «друзья» уж тут как тут, подхватывали это настроение. Они умели и пожить, и попить, и поскандалить за его счет, а когда их требовали к ответу — укрыться за его спиной. Есенин-де известный хулиган, а мы уж из жалости, до слабости да по дружбе к нему попались. Наскандалив, они требовали, чтобы Есенин их выручал, а попавши в переделку, обивали пороги редакций с письмами, заявлениями и обвинениями во всем Есенина, который их, чистых, невинных, белых агнцев, втянул в скандал. Вылив помой клеветы на него, чтобы спасти свою шкуру, они на другой же день, как ни в чем не бывало, являлись к нему, клялись в любви и... брали займы деньги.

Но у Есенина было много настоящих преданных ему друзей. Много друзей у него было среди коммунистов; у них он черпал то, чего ему подчас не хватало, ценил их мнения, уважал их, советовался с ними, любил их. Но самым ценным, самым преданным другом последних лет бы-

ла Г. Бениславская. С невиданной самоотверженностью, с редким самопожертвованием посвятила она себя ему. В ней он нашел редкое соединение жены, любящего друга, родного человека, сестры, матери. Без усталости, без упрека, без ропота, забыв о себе, словно выполняя долг, несла она тяжкую ношу забот о Есенине, о всей его жизни — от печатания его стихов, раздобывания денег, забот о здоровье, больницах, охраны его от назойливых кабацких «друзей» до розысков его ночами в милиции. Этого редкого и, нужно сказать, единственного настоящего друга Есенин недостаточно ценил. Он часто твердил: «Галя мне друг; Галя мне единственный друг». Но еще чаще забывал это.

Когда между ним и Бениславской произошел разрыв, Есенин понял, что потерял ценнейшую опору в жизни — друга. Он вышел из ее комнаты и в коридоре сказал себе вслух: «Ну, теперь уж меня никто не любит, раз Галя не любит».

Среди множества причин, которые в итоге привели Есенина к гибели, разрыв с Бениславской был не последней причиной. Для Есенина это была потеря, — потеря человека, который для него готов был идти на всякие жертвы, отдать все силы, всю жизнь. После этого он словно потерял уверенность в любви к нему людей.

А Есенина любили все, близко знавшие его. Есенина нельзя было, невозможно было не любить. Он всех привлекал своим огромным редким талантом.

Как он писал?

Непосредственно в те минуты, когда он писал, мне его не удалось видеть. Но случалось его видеть в те дни, когда было известно, что он пишет. Бывал он тогда сосредоточенным; близкие к нему говорят, что бывал таким, как на портрете, помещенном в «Прожекторе».

Однажды (это было вскоре после возвращения его из-за границы) он пришел к знакомой, был невесел, попросил хороший карандаш и бумагу и скоро ушел, сказав, что идет писать, потому что его всего подмывает писать, потому что у него, как он выразился, начался зуд, заставляющий его писать.

Обычно, когда он усаживался писать, он просил поставить на стол горячий самовар, который кипел все время. Чаю он выпивал тогда много. Вино же исчезало из комнаты. Даже нарзану он не позволял ставить на стол, даже пустые бутылки выбрасывал.

Просто мерзко слушать «предположения», что Есенин писал стихи пьяным. Ни разу в жизни ни одной строчки он не написал в нетрезвом состоянии!

Стихи свои до того, как они бывали напечатаны, подчас неотделанные, а иногда и в процессе творчества, он обычно читал своим близким друзьям. Читал и советовался с ними. Часто, следуя их указаниям, исправлял написанное. Советами он очень дорожил, относился к ним с вниманием, благодарностью; на одной поэме, подаренной им другу, он надписал:

«Исправительнице неровностей этой поэмы».

Читать свои стихи до их напечатания было его потребностью. Он сам часто вызывался их читать.

Прочтет и спросит: «Ну, как, ничего? Это так, маленькое». И когда ему скажешь, что это чудесное стихотворение и вовсе не маленькое, он полудоверчиво, наивно, по-детски посмотрит и спросит: «Да?»

Так было со стихотворением «Годы молодые с забубенной славой».

Лежал он тогда в Кремлевской больнице после операции руки. Кстати, об истории с рукой теперь распространяются всевозможного рода слухи. В действительности дело обстояло так. Вместе с М. он ехал пьяный на извозчике по Брюсовскому пер. к себе домой. Дорогой у него слетела с головы шляпа. Он соскочил за ней с извозчика, спьяну ударился в окно какой-то сапожной мастерской, сильно порезав руку. М. довез его до квартиры, где ему промыли руку и отвезли его в Шереметьевскую больницу. Рука оказалась сильно искалеченной, в умывальнике после промывания ее плавали куски кожи и мяса, и в больнице руку оперировали. Вот история с рукой, которая подала повод к слухам, что Есенин якобы пытался вскрыть себе на руке вены и т. д. Из Шереметьевской больницы он был пере-

везен в Кремлевскую. Там навестили его я и Козловская. Есенин рассказывал про Шереметьевскую больницу, где ему полюбился какой-то беспризорный, хорошо распевающий песни, потом стал стихи читать. Последним он прочитал стихотворение:

Годы молодые с забубенной славой,
Отравил я сам вас горькою отравой.

Я не знаю: мой конец близок ли, далек ли,
Были синие глаза, да теперь поблекли.

Где ты, радость? Темь и жуть, грустно и обидно.
В поле, что ли? В кабаке? Ничего не видно.

Руки вытяну — и вот слушаю наощупь:
Едем... кони... кони... снег... проезжаем рощу.

— Эй, ямщик, неси во-всю! Чай, рожден не слабым!
Душу вытрясти не жаль по таким ухабам.

А ямщик в ответ одно: «По такой мятели
Очень страшно, чтоб в пути лошади вспотели».

— Ты, ямщик, я вижу, трус. Это не с руки нам! —
Взял я кнут и ну стегать по лошажьим спинам.

Бью, а кони, как метель, снег разносят в хлопья.
Вдруг толчок... и из саней прямо на сугроб я.

Встал и вижу: что за чорт — вместо бойкой тройки...
Забинтованный лежу на больничной койке.

И, заместо лошадей по дороге тряской
Бью я жесткую кровать мокрою повязкой.

На лице часов в усы закрутились стрелки.
Наклонились надо мной сонные сиделки.

Наклонились и хрипят: «Эх, ты, златоглавый,
Отравил ты сам себя горькою отравой.

Мы не знаем, твой конец близок ли, далек ли,—
Синие твои глаза в кабаках промокли».

Он не читал его, он хрипел, рвался изо всех сил с больной койки, к которой он был словно пригвожден, и бил жесткую кровать забинтованной рукой. Перед нами был не поэт, читающий стихи, а человек, который рассказывал жуткую правду своей жизни, который кричал о своих муках.

Ошеломленные, подавленные, мы слушали его хрип, скрежет зубов, неистовые удары рукой по кровати и боялись взглянуть в эти некогда синие, теперь поблекшие и промокшие глаза. Он кончил, в изнеможении опустился на подушки, провел рукой по лицу, по волосам и сказал: «Это стихотворение маленькое, нестоящее оно».

Мы высказали свое мнение.

— Значит, оно не плохое? — спросил он.

Такие вопросы он задавал по поводу самых прекрасных его стихотворений. И спрашивал он искренне. Он действительно не знал, хорошо или плохо то, что он написал. И не раз ему открывали глаза на какое-нибудь его стихотворение.

Больше того, он не понимал, не чувствовал, до чего хорошо то, что он пишет. Лишь после того, как Качалов прочитал ему его стихи, он сказал: «А я и не знал, что у меня т а к и е хорошие стихи».

Он знал, что у него хорошие стихи, очень хорошие стихи, знал, что у него самые лучшие стихи, но он не знал, что у него т а к и е хорошие стихи.

Стихи свои он любил, дорожил ими, пока писал. Когда стихотворение бывало уже написано и напечатано, оно для него т а к и е хорошие стихи.

— Не мое это, чужое уже, когда написано.

Когда ему говорили, что он должен быть счастливейшим в мире человеком, так как пишет прекраснейшие в мире стихи, он отвечал:

— Но мне-то что с того? Что мне остается?

— Вот вырву из себя, напишу, оно и ушло от меня, и я остался ни с чем. Ведь при мне ничего не осталось.

Говорил он это зло, с каким-то остервенением.

Он чувствовал себя мучеником своих же стихов.

Осужден я на каторге чувств
Вертеть жернова поэм.

Он злился за то, что все свои мысли, все свои чувства выливал в стихах, не оставляя тем самым ничего для себя. Не писать он не мог. А в промежутках между писанием он хворал, пил...

Вне стихов ему было скучно. Они словно высасывали из него все соки.

Ведь к стиху своему он был очень требователен. Он пел не голосом, а кровью сердца, ибо считал, что:

Быть поэтом — это значит то же,
Если правды жизни не нарушить,
Рубцевать себя по нежной коже,
Кровью чувств ласкать чужие души.

И он рубцевал себя, и задачу свою он видел не в том, чтоб соловьем распевать удовольствия ради.

Соловей поет — ему не больно,
У него одна и та же песня.
Канарейка с голоса чужого —
Жалкая, смешная побрякушка.
Миру нужно песенное слово.
Петь по-свойски, даже как лягушка.

После стихов он искал забвенья от скуки, тоски. Говорил, что завидует тем, кто служит, работает, учится. Он же

не знает, куда девать и себя и время свое, когда не пишет стихов.

Стихи заполняли его всего, в стихах была вся жизнь, вне стихов не оставалось ничего. Он твердил:

Голубая да веселая страна!
Честь моя за песню продана. —
Голубая да веселая страна!
Пусть вся жизнь моя за песню продана.

Помимо стихов, у Есенина, действительно, не было дел. Не было занятий. Я не знаю, когда он читал, не знаю, занимался ли он. В литературе он обнаруживал большие знания.

Любимыми его писателями были Глеб Успенский, Гоголь. Толстого он не любил, терпеть не мог его философии, смеялся над его изображением мужика:

— Ваш дедушка большой путаник, — говорил он С. Толстой и весьма непочтительно обращался с его портретами.

Язык, слово он изучил блестяще. «Даль, вот он где у меня», — говорил Есенин, ударяя рукой по каблуку, когда разговор касался языка, словаря.

Стихи свои он любил читать лишь тем, кто их «умеет понимать».

Эту способность понимать его стихи он узнавал по тому, умеют ли его «слушать».

— Вы умеете слушать, вот вы хорошо слушаете, — говорил он. И тому, к кому это относилось, он уже доверял. Особенно его располагал, подкупал тот слушатель, который обнаруживал знакомство с каким-нибудь образом, заимствованным из старины, из предания, из затерянной глуши, из давно забытой песни, который угадывал невысказанную мысль, который указывал источник рождения образа, лица, стиха.

У Есенина есть поэма «36». Поэма, как и ее заглавие, имеет свою историю, о которой где-нибудь будет написано. И вот, при чтении им этой, тогда еще недоделанной,

поэмы, его слушатель открыл «источник» ее; больше того, когда Сергей Александрович прочел следующее место:

«Видно, надев
Браслет,
Гонят на много
Лет
Золото рыть
В горах.
Может случиться
С тобой
То, что достанешь
Киркой,
Дочь твоя там,
Вдалеке,
Будет на левой
Руке
Перстень носить
Золотой»,

слушатель обнаружил знакомство с песней, старой, забытой песней сибирских каторжников, откуда Есениным были взяты приведенные выше слова. Это привело его в неописуемый восторг, он был буквально обуян радостью и все твердил: «Да ведь дед, старый мой дед один только и понял это, он знает, помнит еще эту песню. А так никто ее не знает. А вы ее знаете? Вот хорошо-то, ведь песню-то знает!»

И рассказал, что, когда он это место прочитал своему двоюродному деду (Есенин за неделю до того был в деревне), тот сказал:

— А что, и тебя, небось, трогают эти песни, помнишь их! Ну, ну!

Чтение этой поэмы кончилось пением ставшей в этот вечер «знаменитой песни»:

Там, где солнышко не всходит,
Где сияет лишь заря,

Там суждено мне жизнь окончить
По приказанию царя.

И пуще всех заливался Есенин...

Песни эти, отпечатанные, изданные, радовали его, лучезарили глаза его. Радостное волнение играло на его лице, губы как-то странно сжимались, когда он получал из издательства маленькие сборнички своих стихов. Он разглядывал их, перелистывал, показывал и говорил:

— Это — что! А вот скоро увижу первый том Полного собрания. Вот это — здорово как будет!

Издание полного собрания занимало его. Он заранее предвкушал удовольствие щупать первый том своих стихов и говорил:

— Вот в России почти все поэты умирали, не увидав полного издания своих сочинений. А я вот увижу свое собрание. Ведь увижу!

Он говорил это, пошевеливая большим и указательным пальцами, словно перелистывая страницы своих сочинений. А вся фигура и лицо его, озаренные, выражали какое-то притаенно-радостное ожидание.

Собрания своих сочинений он все же не увидел.

Так он жил.

И В А Н Г Р У З И Н О В

Е С Е Н И Н

Р А З Г О В А Р И В А Е Т

О

ЛИТЕРАТУРЕ и ИСКУССТВЕ

КНИГОИЗДАТЕЛЬСТВО В. С. П.

МОСКВА, 1926 г.

ИВАН ГРУЗИНОВ

С. ЕСЕНИН

РАЗГОВАРИВАЕТ
О
ЛИТЕРАТУРЕ
И
ИСКУССТВЕ

ВСЕРОССИЙСКИЙ СОЮЗ ПОЭТОВ

МОСКВА

1927

ЕСЕНИН РАЗГОВАРИВАЕТ О ЛИТЕРАТУРЕ И ИСКУССТВЕ

1919 г.

1

Есенин неподражаемо читал свои стихи: в кругу близких, в клубах, в кафе, на бульварах.

Но насколько хорошо Есенин читал стихи, настолько же плохо он говорил с эстрады. Есенин не был оратором. Говоря в общественных местах, перед посторонней публикой, он долго подыскивал нужные обороты речи, бесконечно тянул неопределенные междометия, иногда неожиданно, с силой выбрасывал отдельные слова, отдельные короткие фразы.

Он интенсивно размахивал руками, стараясь помочь себе жестами. Не найдя нужного ему слова, нужного оборота речи, он часто заменял их жестикуляцией и мимикой.

И несмотря на трудности, с какими сопряжено было для него публичное выступление, он неоднократно выступал с речами; об искусстве, — о своих стихах. Он учился ораторскому искусству так же, как учатся плавать: смело бросал себя, как в омут, в толпу.

Но говорить перед большой аудиторией связно и плавно ему удавалось редко.

Аудитория почти всегда добродушно относилась к Есенину, выступавшему с речами.

Однажды он в кафе Домино пытался произнести речь о литературе. Он долго тянул что-то невнятное. Слушатели не выдержали, начали подсмеиваться над оратором.

Послышались возгласы:

— Поэт-то ты, Есенин, хороший, а говорить не умеешь!

— Брось! Лучше читай стихи!

Есенин не закончил речи, виновато махнул рукой и сошел с эстрады.

— Я не оратор. Это правда. Я не оратор, — оправдывался он, подойдя ко мне.

2

Есенин читает В. Розанова. Читает запоем. Отзывается о Розанове восторженно. Хвалит его как стилиста Удивляется приемам его работы. Розанов в это время для него как поветрие, как корь. Особенно нравились ему «Опавшие Листья».

Стоим под аркой в кафе Домино, под аркой, разделявшей Домино на два зала. Есенин упоминает об одной из книг Розанова.

Я спрашиваю его:

— А ты был, Сергей, знаком с Розановым?

— В Петербурге, когда я юношей приехал туда, я познакомился с Розановым. Розанову нравились мои стихи. Однажды Розанов, встретив меня, приласкал; как мальчика, погладил по голове и сказал: Пиши, пиши! Хорошие стихи пишешь!

3

Георгиевский пер., д. 7, квартира Быстрова.

Есенин увлекается Меем. Помню книжку Мея, в красной обложке, издание Маркса. Он выбирает лучшие по его мнению стихи Мея, читает мне. Утверждает, что у Мея чрезвычайно образный язык. Утверждает, что Мея имажинист.

Повидимому, увлечение Меем было у него непродолжительно. В дальнейшем он не возвращался к Мею, ни разу не упоминал о нем

Домино.

Комната правления союза поэтов. Зимние сумерки. Густой табачный дым. Комната правления по соседству с кухней. Из кухни веет теплыню, доносятся запахи яств. Время военного коммунизма: пища и тепло приятны несказанно.

Беседуем с Есениным о литературе.

— Знаешь ли, — между прочим сказал Есенин, — я очень люблю Гебеля. Гебель оказал на меня большое влияние. Знаешь? Немецкий народный поэт...

— У немцев есть три поэта с очень похожими фамилиями, но с различными именами: Фридрих Геббель, Эмануэль Гейбель и, наконец, Иоганн Гебель — автор «Овсяного Киселя».

— Вот. Этот самый Гебель, автор «Овсяного Киселя» и оказал на меня влияние.

Есенин любил конкретно выражать свои мысли, любил наглядность в объяснении. Любил подкреплять свои мысли сравнениями.

Так, выворачивая перчатку и показывая ее собеседнику, он иногда произносил такую фразу:

— «Я выворачиваю мир, как перчатку».

1920 г.

Ночь. Шатаемся по улицам Москвы. С нами два-три знакомых поэта. Переходим Страстную площадь.

— Я не буду литератором. Я не хочу быть литератором. Я буду только поэтом.

Есенин утверждал это спустя 4 года после выхода в свет его повести «Яр», напечатанной в «Северных Записках» в 1916 году. Он никогда не говорил о своей повести, скрывал свое авторство. Повидимому, повесть его не удовлетворяла: в прозе он чувствовал себя слабым, слабее чем в стихах. В дальнейшем он обратился исключительно к стихотворной форме: лирика, поэма, драма, повесть в стихах.

В том же году, после выхода в свет «Ключей Марии», в кафе Домино он спрашивает: хорошо ли написана им теория искусства? Нравятся ли мне «Ключи Марии»?

Почему-то не было времени разобраться в его теории искусства по существу и я ответил, что книжку следовало бы разделить на маленькие главы.

7

Домино. Хлопают двери. Шныряют официанты Поэтессы. Актеры. Актрисы. Люди неопределенных занятий. Поэты шляются целыми оравами.

У открытой двери в комнату правления союза поэтов: Есенин и Осип Мандельштам. Ощетинившийся Есенин, стоя в полуобороте к Мандельштаму:

— Вы плохой поэт! Вы плохо владеете формой! У вас глагольные рифмы!

Мандельштам возражает. Пыжится. Красный от возмущения и негодования.

8

Осень. Домино.

В кафе Домино два больших зала: в одном зале эстрада и столики для публики, в другом только столики. Эти сто-

лики для поэтов. В первый год существования кафе залы разделялись огромным занавесом. Обычно во время исполнения программы невыступающие поэты смотрели на эстраду, занимая проход между двумя залами.

В глубине, за вторым залом, комната правления союза поэтов.

Есенин только что вернулся в Москву из поездки на Кавказ. У него новая поэма: «Сорокоуст». Сидим с ним за столиком во втором зале кафе. Вдруг он прерывает разговор:

— Помолчим несколько минут, я подумаю, я приготовлю речь.

Чтобы дать ему возможность подготовиться к выступлению, я ушел в комнату правления союза поэтов. Явился Валерий Брюсов.

Через две-три минуты Есенин на эстраде.

Обычный литературный вечер. Человек 100 посетителей: поэты и тайнопишущие. В ту эпоху, в кафеинный период литературы, каждый день неукоснительно поэты и тайнопишущие посещали Домино или Стойло Пегаса. Они-то и составляли неизменный контингент слушателей стихов. Другая публика приходила в кафе позже: ради скандалов.

На этом вечере была своя поэтическая аудитория. Слушатели сидели скромно. Большинство из них жило впроголодь: расположились на стульях, расставленных рядами и за пустыми столиками.

Есенин нервно ходил по подмосткам эстрады. Жаловался, горячился, распекал, ругался: он первый, он самый лучший поэт в России, кто-то ему мешают, кто-то его не признает. Затем громко читал «Сорокоуст». Так громко, что проходящие по Тверской могли слышать его поэму.

Повидимому, он ожидал протестов со стороны слушателей, недовольных возгласов, воплей негодования. Ничего подобного не случилось: присутствующие спокойно выслушали его бурную речь и не менее бурную поэму.

Во время выступления Есенина я все время находился во втором зале кафе. После выступления он пришел туда

же. Он чувствовал себя неловко: ожидал борьбы и вдруг... никто не протестует.

— Рожаете, Сергей Александрович? — улыбаясь спрашивает Валерий Брюсов.

Улыбка у Брюсова напряженная: старается с официального тона перейти на искренний и ласковый тон.

— Да, — отвечает Есенин невнятно.

— Рожайте, рожайте! — ласково продолжает Брюсов.

В этой ласковости Брюсова чувствовалось одобрение и поощрение метра по отношению к молодому поэту.

В этой ласковости Брюсова была какая-то неестественность. Брюсов для Есенина был всегда посторонним. Они были чужды друг другу, между ними никогда не было близости. «Сорокоуст» был первым произведением, которое Брюсов хорошо встретил.

Об отношении Есенина к Брюсову можно судить по одной Есенинской частушке:

Скачет Брюсов по Тверской
Не мышой, а крысиной.
Дядя, дядя! я большой,
Скоро буду с лысиной.

9

На улицах Москвы желтые, из оберточной бумаги, афиши:

БОЛЬШОЙ ЗАЛ КОНСЕРВАТОРИИ
(Б. Никитская)

В четверг, 4-го ноября с. г.

ЛИТЕРАТУРНЫЙ
«СУД НАД ИМАЖИНИСТАМИ»

Литературный обвинитель Валерий Брюсов.

*Подсудимые имажинисты И. Грузинов, С. Есенин,
А. Кусиков, А. Мариенгоф, В. Шершеневич.*

Гражданский истец И. А. Аксенов.

*Свидетели со стороны обвинения Адалис, С. Будан-
цев, Т. Левит.*

*Свидетели со стороны защиты Н. Эрдман, Ф.
Жиц.*

12 судей из публики.

Начало в 7 ½ час. вечера.

*Билеты продаются — Зал Консерватории, ежедневно
от 11 до 5 час. Театральная касса РГО (Петровка, 5), а в
день лекции при входе в зал.*

Суд над имажинистами — это один из самых веселых литературных вечеров.

Валерий Брюсов обвинял имажинистов как лиц, составивших тайное сообщество с целью ниспровержения существующего литературного строя в России.

Группа молодых поэтов, именующих себя имажинистами, по мнению Брюсова, произвела на существующий литературный строй покушение с негодными средствами, взяв за основу поэтического творчества образ, по преимуществу метафору. Метафора же является частью целого: это только одна фигура или тропа из нескольких десятков фигур словесного искусства, давно известных литературам цивилизованного человечества.

Главный пункт юмористического обвинения был сформулирован Брюсовым так: имажинисты своей теорией вве-

ли в заблуждение многих начинающих поэтов и соблазнили некоторых маститых литераторов.

Один из свидетелей со стороны обвинения доказывал, что В. Шершеневич подражает В. Маяковскому и, чтобы убедить в этом слушателей, цитировал параллельно Маяковского и Шершеневича.

Есенин в последнем слове подсудимого нападал на существующие литературные группировки — символистов, футуристов и в особенности на Центрифугу, к которой причисляли в то время С. Боброва, Б. Пастернака и Аксенова. Последний был на литературном суде и качестве гражданского истца и выглядел в своей роли старшим милиционером.

Есенин, с широким жестом обращаясь в сторону Аксенова:

— Кто судит нас? кто? Что сделал в литературе гражданский истец, этот тип, утонувший в борode?

Выходка Есенина понравилась публике. Публика смеялась и аплодировала.

10

Через несколько дней после «Суда над имажинистами» ими был устроен в Политехническом музее: «Суд над русской литературой».

Представителем от подсудимой русской литературы являлся Валерий Брюсов.

Есенин играл роль литературного обвинителя. Он приготовил обвинительную речь и читал ее по бумажке звонким высоким тенором.

По прочтении речи стал критиковать ближайших литературных врагов: футуристов.

На этот раз он, сверх ожидания, говорил удачно и быстро овладел аудиторией.

— Маяковский безграмотен! — начал Есенин.

При этом, как почти всегда, звук «г» он произносил пургански. «Яговал», как говорят о таком произношении московские мужики.

И от этого «ягования» подчеркивание безграмотности Маяковского приобретало невероятную четкость и выразительность. Оно вламывалось в уши слушателей, это резкое з г р.

Затем он обратился к словотворчеству Велемира Хлебникова.

Доказывал, что словотворчество Хлебникова не имеет ничего общего с историей развития русского языка, что словотворчество Хлебникова произвольно и хаотично, что оно не только не намечает нового пути для русской поэзии, а наоборот: уничтожает возможность движения вперед. Впрочем, смягчающим вину обстоятельством был признан для Хлебникова тот факт, что он перешел в группу имажинистов: Хлебников в Харькове всенародно был помазан миром имажинизма.

11

Вечер. Идем по Тверской. Советская площадь. Есенин критикует Маяковского, высказывает о Маяковском крайне отрицательное мнение.

Я:

— Неужели ты не заметил ни одной хорошей строчки у Маяковского? Ведь даже у Тредьяковского находят прекрасные строки?

Есенин:

— Мне нравятся строки о глазах газет: Ах, закройте, закройте глаза газет!

И он вспоминает отрывки из двух стихотворений Маяковского о войне: «Мама и убитый немцами вечер» и «Война объявлена».

Читает несколько строк с особой, свойственной ему нежностью и грустью.

Неоднократно Есенин утверждал, что Маяковский весь вышел из Уитмана.

Мне приходилось слышать от Есенина следующую частушку о Маяковском:

О, сыпь! ой, жарь!
Маяковский бездарь.
Рожа краской питана
Обокрал Уитмана.

Отрицательное отношение к Маяковскому осталось у Есенина на всю жизнь.

В сборнике «Советская Страна», изданном в 1925 году, он пишет о рекламных стихах Маяковского:

Мне мил стихов российский жар.
Есть Маяковский, есть и кроме,
Но он, их главный штабс-маляр,
Поет о пробках в Моссельпроме.

1921 г.

Мы несколько раз посетили с Есениным музеи новой европейской живописи: бывш. собрания Щукина и Морозова.

Больше всего его занимал Пикассо.

Есенин достал откуда-то книгу о Пикассо на немецком языке, со множеством репродукций с работ Пикассо.

Ничевоки выступают в кафе Домино.

Есенин и я присутствуем при их выступлении. Ничевоки предлагают нам высказаться об их стихах и теории.

С эстрады мы не хотим рассуждать о ничевоках. Ничевоки обступают нас во втором зале Домино и поневоле приходится высказываться.

Сначала теоретизирую я. Затем Есенин. Он развивает следующую мысль:

В поэзии нужно поступать также, как поступает наш народ, создавая пословицы и поговорки.

Образ для него, как и для народа, конкретен.

Образ для него, как и для народа, утилитарен; утилитарен в особом, лучшем смысле этого слова. Образ для него — это гать, которую он прокладывает через болото. Без этой гати — нет пути через болото.

При этом Есенин становится в позу идущего человека, показывая руками на лежащую перед ним гать.

После первого чтения «Пугачева» в Стойле Пегаса присутствующим режиссерам, артистам и публике Есенин излагал свою точку зрения на театральное искусство.

Сначала, как почти всегда в таких случаях, речь его была путанной и бессвязной, затем он овладел собой и более или менее отчетливо сформулировал свои теоретические положения.

Он сказал, что расходится во взглядах на искусство со своими друзьями-имажинистами: некоторые из его друзей считают, что в стихах образы должны быть нагромождены беспорядочной толпой. Такое беспорядочное нагромождение образов его не устраивает, толпе образов он предпочитает органический образ.

Точно также он расходится со своими друзьями-имажинистами во взглядах на театральное искусство: в то время, как имажинисты главную роль в театре отводят действию, в ущерб слову, он полагает, что слову должна быть отведена в театре главная роль.

Он не желает унижать словесное искусство в угоду искусству театральному. Ему, как поэту, работающему преимущественно над словом, неприятна подчиненная роль слова в театре.

Вот почему его новая пьеса, в том виде, как она есть, является произведением лирическим.

И если режиссеры считают «Пугачева» не совсем сценичным, то автор заявляет, что переделывать его не намерен: пусть театр, если он желает ставить «Пугачева», перестроится так, чтобы его пьеса могла увидеть сцену в том виде, как она есть.

1922 г.

15

Есенин в кафе Домино познакомил меня с Айседорой Дункан. Мы разместились втроем за столиком. Пили кофе. Разглядывали надписи, рисунки и портреты поэтов, находящиеся под стеклянной крышкой столика. Показывали Дункан роспись на стенах Домино.

Разговор не клеился. Была какая-то неловкость. Эта неловкость происходила, вероятно, потому, что Дункан не знала русского языка, а Есенин не говорил ни на одном из европейских языков.

Вскоре начали беседу о стихах. И время от времени обращались к Айседоре Дункан, чтобы чем-нибудь показать внимание к ней: по десять раз предлагали то кофе, то пирожное.

В руках у Есенина был немецкий иллюстрированный журнал. Готовясь поехать в Германию, он знакомился с новейшей немецкой литературой.

Он предложил мне просмотреть журнал, и мы вместе стали его перелистывать. Это был орган немецких дадаистов.

Есенин, глядя на рисунки дадаистов и читая их изречения и стихи:

— Ерунда! Такая же ерунда, как наш Крученых. Они отстали. Это у нас было давно.

Я возразил:

— У нас и теперь есть поэтические группы, близкие к немецким дадаистам: фуисты, беспредметники, ничевоки. Ближе всех к немецким дадаистам, пожалуй, ничевоки.

Уходя из Домино Есенин попросил меня дать ему только что вышедшую книжку стихетт известной беспредметницы, сказав, что «Серафические Подвески» у него уже есть.

В творчестве Есенина наступил перерыв. Он выискивал, прислушивался, весь насторожившись. Он остановился, готовясь сделать новый прыжок.

За границей прыжок этот был им сделан: появилась «Москва Кабацкая».

Для «Москвы Кабацкой» он взял некоторые элементы у левых эротических поэтов того времени, разбавил эти чрезмерно терпкие элементы Александром Блоком, вульгаризировал цыганским романсом.

Благодаря качествам, которые Есенин придал с помощью Блока и цыганского романа изысканной и малопопулярной левой поэзии того времени, она стала общедоступней и общеприемлемей.

Перед отъездом за-границу Есенин спрашивает А. М. Сахарова:

— Что мне делать, если Мережковский или Зинаида Гиппиус встретится со мной? Что мне делать, если Мережковский подаст мне руку?

— А ты руки ему не подавай! — отвечает Сахаров.

— Я не подам руки Мережковскому — соглашается Есенин: я не только не подам ему руки, но я могу сделать и более решительный жест... Мы остались здесь. В трудные для родины минуты, мы оставались здесь. А он со стороны, он издали смеет поучать нас!

1923 г.

17

По возвращении из-за границы Есенин перевез свое небольшое имущество в Богословский переулок, в комнату, где он обитал раньше.

Здесь он в первый раз читал своим друзьям «Москву Кабацкую».

Комната долгое время оставалась неприбранной: в беспорядке были разбросаны его американские чемоданы, дорожные ремни, принадлежности туалета, части костюма.

На окне бритва и книги: «Антология новейшей русской поэзии» на английском языке и Илья Эренбург — «Гибель Европы».

Есенин по адресу Эренбурга:

— Пустой. Нулевой. Лучше не читать.

18

Вечером мы у памятника Пушкина. Берем извозчика, покупаем пору бутылок вина и направляемся к Зоологическому саду, в студию Коненкова.

Чтобы ошеломить Коненкова буйством и пьяным видом, Есенин, подходя к садику коненковского дома, заломил кепку, растрепал волосы, взял под мышку бутылки с вином. И шатаясь, и еле выговаривая приветствия, с шумом ввалился в переднюю.

После вскриков удивления и об'ятий, после чтения «Москвы Кабацкой», Коненков повел нас в мастерскую.

Сергей хвалил работы Коненкова, но похвалы эти были холодны.

Вдруг он бросается к скульптору, чтобы поцеловать ему руки.

— Это гениально! Это гениально! — восклицает он, показывая на портрет жены скульптора.

Как почти всегда, он и на этот раз не мог обойтись без игры, аффектации, жеста.

Но работа Коненкова, столь восторженно отмеченная Есениным, была пожалуй самой лучшей из всех его вещей, находившихся в мастерской.

19

Стойло Пегаса.

Сергей показывает правую руку: на руке что-то вроде черной перчатки: чернила.

— В один присест написал статью об Америке, для «Известий». Это только первая часть. Напишу еще ряд статей.

Ряда статей он, как известно, не написал. Больше не упоминал об этих статьях.

20

Есенин передавал мне, что будучи в Италии, он посетил Максима Горького.

Читал ему «Черного Человека».

Поэма произвела на Горького большое впечатление. Горький прослезился.

21

Осень.

У Есенина наступает временный перерыв в творчестве.

Он хочет заняться редактированием и переделкой старой литературы для широких читательских масс.

Встретив меня в Стойле Пегаса сообщает:

— Я начинаю работать над Решетниковым. Подготавливаю Решетникова для Государственного Издательства.

22

Осень.

Ранним утром и встречаю Есенина па Тверской: он несет целую охапку книг: издания Круга. Так и несет, как охапку дров. На груди. Обеими руками.

Без перчаток. Холодно.

Вечером того же дня и Стойле Пегаса он говорит мне:

— Я занимаюсь просмотром новейшей литературы. Нужно быть в курсе современной литературы. Хочу организовать журнал. Буду издавать журнал. Буду работать, как Некрасов.

1924 г.

23

Летний день. Нас четверо. Идем к одному видному советскому работнику. Хлопотать о деле.

Жарко. Есенин не пропускает ни одного киоска с водами. У каждого киоска он предлагает нам выпить квасу.

Я нападаю на него:

— У тебя, Сергей, столько раз повторяется слово «знаменитый», что в собрании сочинений оно будет на каждой странице. У Игоря Северянина лучше: тот раза два или три написал, что он гений и перестал. А знаешь, у кого ты заимствовал слово «знаменитый»? Ты заимствовал его, конечно бессознательно, из учебника церковной истории протоиерея Смирнова. Протоиерей Смирнов любит это словечко!

Дальше я привожу из Есенина целый ворох церковнославянских слов.

Он долго молчит. Наконец, не выдерживает, начинает защищаться.

В ожидании приема у советского работника продолжаем прерванный разговор.

— Раньше я все о мирах пел — заметил Есенин, — все у меня было в мировом масштабе. Теперь я пою и буду петь о мелочах.

24

Лето. Пивная близ памятника Гоголя.

Есенин, обращаясь к начинающему поэту, рассказывает, как Александр Блок учил его писать лирические стихи.

— Иногда важно, чтобы молодому поэту более опытный поэт показал, как нужно писать стихи. Вот меня, например, учил писать лирические стихи Блок, когда я с ним познакомился в Петербурге и читал ему свои ранние стихи.

Лирическое стихотворение не должно быть чересчур длинным, — говорил мне Блок.

Идеальная мера лирического стихотворения 20 строк.

Если стихотворение начинающего поэта будет очень длинным, длиннее 20 строк, оно безусловно потеряет ли-

рическую напряженность, оно станет бледным и водянистым.

Учись быть кратким!

В стихотворении, имеющем от 3 до 5 четверостиший, можно все сказать, что чувствуешь, можно выразить определенную настроенность, можно развить ту или иную мысль.

Это на первых порах. Потом, через год, через два, когда окрепнешь, когда научишься писать стихотворения в 20 строк, — тогда уже можешь испытать свои силы, можешь начинать писать более длинные лирические вещи.

Помни: идеальная мера лирического стихотворения 20 строк.

25

В журнале группы имажинистов — «Гостиница для путешественников в прекрасном» — пропагандировался и выдвигался на первый план Таиров и Московский Камерный театр.

Есенин был недоволен таким положением вещей.

На собраниях группы имажинистов и в частных беседах он говорил:

— Во-первых, вы меня ссорите с Мейерхольдом, с которым я ссориться не намерен; во-вторых, я нахожу, что театр Мейерхольда интереснее театра Таирова.

В дальнейшем, когда рознь в группе имажинистов обогналась отчетливее, он заявлял:

— В журнале, где выдвигают Таирова и нападают на Мейерхольда, я участвовать не желаю. В журнале, который я организую в дальнейшем, будет пропагандироваться театр Мейерхольда.

Есенин редко бывал в театре. И не потому, чтобы он отрицал театральное искусство, а потому, что он был слишком лирик. А еще и потому, что почти все вечера он проводил в кабаках.

В кино он бывал чаще, чем в театре, и опять-таки не потому, что искусство кино он любил больше театрального искусства, а потому, что в кино пойти проще и удобнее.

Из заграничных писем Есенина, из бесед с ним об искусстве Европы и Америки ясно, что современное эстрадное искусство и музик-холлы он ненавидел. Он был глубоко убежден, что музик-холлы и Изы Кремер — вырождение и гибель искусства. По его мнению подобное искусство — это только средство зарабатывать деньги.

В теоретических спорах о театральном искусстве театр Мейерхольда предпочитал он Камерному. Он мечтал у Мейерхольда поставить одну из своих пьес. По традиции же, по жизненным привычкам Есенин тяготел к Московскому Художественному театру.

Изредка, но торжественно, совершив предварительно обряд омовения головы, направлялся он в Художественный театр, и, конечно, не на Чехова, которого он терпеть не мог, а на какую-либо из обстановочных и декоративных пьес: напр., на Феодора Иоанновича.

Ни о ком из русских и иностранных писателей Есенин не отзывался с таким презрением, как об Антоне Чехове. К Чехову он относился, как к одному из своих злейших личных врагов. Он выискивал все самое отвратительное и язвительное, чтобы бросить в Чехова.

Откуда у Есенина такая ненависть к Чехову?

Очень может быть, что он ненавидел Чехова за повесть «Мужики», ненавидел Чехова, как типичного представителя русской интеллигенции.

28

Брюсовский пер., д. 2а, кв. 26.

Вечер. Есенин, на кушетке, в цветном персидском халате, в туфлях. Берет с подоконника «Голубые Пески» Всеволода Иванова. Перелистывает. Бросает на стол. Снова, не читая, перелистывает и с аффектацией восклицает:

— Гениально! Гениальный писатель!

И звук «г» у него, как почти всегда, по-рязански.

29

Иван Рукавишников выступает в Стойле Пегаса со «Степаном Разиным».

Есенин стоит близ эстрады и внимательно слушает сказ Ивана Рукавишникова, написанный так называемым напевным стихом.

В перерывах и после чтения «Степана Разина» он повторяет:

— Хорошо! Очень хорошо! Талантливая вещь!

30

Стойло Пегаса. Я прочел книгу Александра Востокова: «Опыт о русском стихосложении», изданную в 1817 году. Встретив Есенина, я делился с ним прочитанным, восторгался редкой книгой.

Книга была редкой не только по содержанию, но и по внешнему виду: на ней был в качестве книжного знака фамильный герб одного из видных декабристов.

Я привел Есенину мнение Пушкина о Востокове: «Много говорили о настоящем русском стихе, А. Х. Востоков определил его с большою ученостию и сметливостию».

Я сообщил ему, что первого русского стихотворца звали тоже Сергеем: Сергей Кубасов, сочинитель Хронографа, по свидетельству Александра Востокова, первый в России написал в XVI веке русские рифмованные стихи.

Темами нашей беседы в дальнейшем естественно были: формы стиха, эволюция русского стиха.

Между прочим Есенин сказал:

— Я давно обратил внимание на переносы в стихе. Я учился и учусь стиху на конкретном стихотворном материале. Переносы предложения из одной строки в другую в первый раз я заметил у Лермонтова. Я всегда избегал в своих стихах переносов и разносок. Я люблю естественное течение стиха. Я люблю совпадение фразы и строки.

Я ответил, что в стихах Есенина в самом деле мало переносов и разносок, в особенности, если иметь в виду его песенную лирику; в этом отношении он походит на наших русских песнетворцев и сказочников: по мнению Востокова переносы и разноски заимствованы нашей искусственной книжной поэзией от греков и римлян.

В одной из моих тетрадок сохранилась выдержка из книги Востокова, относящаяся к нашему разговору. Привожу ее полностью:

«Свойственные Греческой и Римской поэзии, а с них и в новейшую нашу поэзию вошедшие разноски слов (inversions) и переносы из одного стиха в другой (enjambements) в Русских стихах совсем непозволительны: у Русского песнетворца или сказочника в каждом стихе полный смысл речи заключается, и расположение слов ничем не отличается от простого разговорного».

1925 г.

31

Лето.

По возвращении с Кавказа Есенин сообщал о романе, который он будто бы начал писать. Но, повидимому, это было только предположением. К прозе он не вернулся.

Намерение его осталось невыполненным.

32

Лето.

Я с Есениным у одного из наших общих знакомых. Он мечтает отпраздновать свою свадьбу: намечает — кого пригласить из друзей, где устроить свадебный пир.

Бывает так: привяжется какой-нибудь мотив песни или стихотворный отрывок, повторяешь его целый день. К Есенину на этот раз привязался Демьян Бедный:

Как родная меня мать
Провожала.
Тут и вся моя родня
Набежала.

Он пел песню Демьяна Бедного, кое-кто из присутствующих подтягивал.

— Вот видите! Как никак, а Демьяна Бедного поют. И в деревне поют. Сам слышал! — заметил Есенин-

— Не завидуй, Сергей, Демьяном станешь! — ответил ему кто-то из присутствующих.

Классической музыкой Есенин мало интересовался. По крайней мере я лично за все время нашей многолетней дружбы (с 1918 г.) ни разу не видал его в опере или концерте.

Он плясал русскую, играл на гармонике, пел народные песни и частушки. Песен и частушек знал он большое количество. Некоторые частушки, распеваемые им, были плодом его творчества. Есенинские частушки большею частью сложены на случай, на злобу дня или направлены по адресу его знакомых: эти частушки его, как и многие народные частушки, имеют юмористический характер.

В период 1918-20 г.г., в самый пышный расцвет богемной поэтической жизни Москвы, Есенин на литературных вечерах в кафе Домино и в Стойле Пегаса любил распевать частушки.

С каждым годом он становился угрюмей. Гармонь забросил давно. Перестал плясать. Все реже и реже пел частушки и песни.

Однажды, летом 1921 года, я направился в Богословский переулок, чтобы послушать только что написанного «Пугачева».

Лишь только я вошел в парадное дома № 3, как до меня стали доноситься какие-то протяжные завывания. Я недоумевал: откуда эти странные звуки?

Вхожу в переднюю. Дверь, ведущая в комнату, расположенную по левую сторону, открыта. Есенин и Орешин сидят в углу за столом и тянут какую-то старинную песню.

Они были неподвижны. Лица их посинели от напряжения. Так поют степные мужики и казаки.

Я не хотел мешать певцам, мне жаль было прерывать песню, и можете себе представить, сколько времени мне пришлось бы стоять в передней?

Песня была неокончена: Сергей заметил меня и потянул в комнату.

Один глаз у него был подбит: синяк и ссадина.

— Это я об косяк, это я об косяк, — повторял он, усаживая меня за стол.

Осенью 1925 года я собирался устроить вечер народной песни. По моим предположениям на вечере должны были петь: поэты из народа и мои деревенские друзья.

Я пригласил Есенина на этот вечер народной песни. Он изъявил согласие принять участие на вечере, но сделал это с полным равнодушием. Я заметил его безразличное отношение к песням и спросил:

— Ты, кажется, разлюбил народные песни?

— Теперь я о них не думаю. Со мной было так: увлекался песнями периодически; отхожу от песни и снова прихожу к ней.

34

Всем известно литературное «супружество» Клюева и Есенина. На нем останавливаться не буду.

Уже с 1918 года Есенин начинает отходить от Клюева.

Причины расхождения с Клюевым излагаются в «Ключах Марии».

«Для Клюева», пишет автор «Ключей Марии»: «все сплошь стало идиллией гладко причесанных английских гравюр, где виноград стилизуется под курчавый порядок воинственных всадников». «Сердце его не разгадало тайны наполняющих его образов»... «он повеял на нас безжизненным кружевным ветром деревенского Обри Бердслея»... «художник пошел не по тому лугу. Он погнался за яркостью красок и “изрони женьчужну душу из храбра тела, через злато ожерелие”».

Те же мысли мы находим у Есенина в стихотворении, посвященном Клюеву: «Теперь любовь моя не та».

Однако, в последнее время у него были попытки примирения с Клюевым, попытки совместной работы.

Так в 1923 году, когда обозначился уход Есенина из группы имажинистов, он прежде всего обратился к Клюеву и хотел восстановить с ним литературную дружбу.

— Я еду в Питер — таинственным шопотом сообщает мне Сергей: я привезу Клюева. Он будет у нас главный, он будет председателем Ассоциации Вольнодумцев. Ведь это он учредил Ассоциацию Вольнодумцев!

Клюева он действительно привез в Москву.

Устроил с ним несколько совместных выступлений. Но прочных литературных взаимоотношений с Клюевым не наладилось. Стало ясно: между ними нет больше точек соприкосновения.

В это же время у Есенина наступил едва ли не самый бурный период его московской кабацкой жизни. Есенин побил рекорд буйства.

Кафейные скандалы, один грандиознее другого, следовали непрерывно, а вслед за скандалами следовали и ночевки в отделениях милиции. Кончилось санаторием.

Клюева он бросил на произвол судьбы.

— Сереженька-то наш, Сереженька-то наш совсем спился, совсем спился — сокрушенно причитая, жаловался мне Клюев.

И уехал обратно в Петроград.

Со стороны Есенина это была последняя попытка совместной литературной работы с Клюевым. Личными друзьями они остались: Есенин, приезжая в Ленинград, считал своим долгом посетить Клюева.

К последним стихам Клюева Есенин относился отрицательно.

Осенью 1925 года Есенин, будучи у меня, прочел «Гитарную» Клюева, напечатанную в ленинградской Красной Газете.

— Плохо! Никуда! вскричал он и бросил газету под ноги.

Осень. Есенин и С. А. Толстая у меня.

Даю ему новый карандаш.

— Люблю мягкие карандаши — восклицает он: этим карандашом я напишу строк тысячу!

Мысль о создании журнала до самой смерти не покидает Есенина. На клочке бумаги он набрасывает проект первого номера журнала:

1. Статью. 2. Статью. 3. Конч. о живописи.
Репродукции.
Ес.
Груз.
Нас.
Рецензии. |
|--|

— Я непременно напишу статью для журнала. Непременно. Я знаю твою линию в искусстве. Мы не совпадем. Я напишу иначе. Твоя статья будет дополнять мою и обратно — мечтает Есенин и просит достать ему займы червонец. Дня два или три назад он получил гонорар в Госиздате, сегодня уже ни копейки нет.

Для первого номера журнала предполагалось собрать следующий материал: статья Д. Кончаловского о современной живописи; репродукции с картин П. Кончаловского, А. Куприна, В. Новожилова; стихи Есенина, Грузинова, Наседкина.

Проект журнала составлялся спешно. В ближайшее время решили собраться еще раз, чтобы составить подробный план журнала и приступить к работе по его изданию.

Осень.

Страх за свое поэтическое будущее, опасение за потерю поэтических способностей, опасение пережить в себе поэта, — все это в разгоряченном и болезненном воображении Есенина выросло до чудовищных размеров, принимало кошмарные и уродливые формы, питало его крайнюю раздражительность.

Мучимый опасениями и подозрениями, он то впадал в глубокое уныние и скорбь, то с безумной злобой нападал на своих мнимых врагов и конкурентов на литературном поприще, которые в сущности были виноваты только в неуместной болтовне и неделикатном отношении к большому поэту.

В качестве иллюстрации я приведу следующий характерный случай.

Месяца за три до своей смерти Есенин пришел ко мне. У меня был Сахаров. Явился Наседкин. Сахаров, любящий азиатскую кухню, предложил пойти на Трубу, в Узбекистанскую столовую.

За обедом Есенин стал упрекать Наседкина в том, что тот кому-то говорил, что он идет на смену Есенина.

Наседкин возразил:

— Неправда. Я счастлив быть звездочкой в созвездии Есенина, если Есенин станет Пушкиным.

И затем добавил, что Сергею следовало бы с годик помолчать, набраться сил.

Тот ничего не ответил.

Из столовой вчетвером направились бульварами на Остоженку.

Все время, пока шли Страстным бульваром, Есенин жаловался мне, что ему завидуют, что ему не дают жить:

— Разве я виноват в том, что я такой! Почему обижаются на меня? Кому я мешаю? Почему я мешаю? Ведь не могу же я заслонить от других весь свет!.. Я признаю влияние

на меня Блока, признаю влияние Клюева... Вот они влияли на меня! Я ведь этого никогда не скрывал!

На Остоженке подали чай. Есенин уходит на несколько минут в другую комнату. Выходит крайне раздраженный. Неожиданно хватает со стола огромный медный поднос и с криком — «Предатель! вон!!!» бросается на Наседкина.

Есенин был вне себя.

Никакие уговоры, никакие успокоительные речи окружающих на него не действовали.

Не дождавшись примирения, Наседкин ушел.

Я и Сахаров продолжали успокаивать Есенина: он ругался по адресу ушедшего, грозился, стуча кулаками по столу.

Сахаров куда-то исчез и я остался один с невменяемым Есениным.

Он стал разговаривать с призраками, бросался на воображаемых врагов, сжимая кулаки и скрежеща зубами. Это был припадок настоящего неистовства. Припадок продолжался около получаса.

Затем, немного успокоившись, он стал собирать свои вещи: рыскал по комнатам в поисках чемоданов, подушек и одеял.

Откуда-то притащил огромное одеяло, завернулся в него, и, волоча одеяло по полу, собирался немедленно покинуть квартиру.

Он был смертельно бледен, с помутившимися невидящими глазами.

1926 июнь.

КНИГОИЗДАТЕЛЬСТВО
ВСЕРОССИЙСКОГО
СОЮЗА ПОЭТОВ

МОСКВА, Тверской б., 25. Дом Герцена.

ЛЕНИНГРАД, Мойна, 49. Дом Печати.

1. „Поэты наших дней“. Антология. М.—Л. 1924.
2. Мария Шкапская. „Кровь—руда“. Стихи. М. 1925.
3. Мария Шкапская. „Земные ремесла“. Стихи. 1925.
4. Э. Т. А. Гоффман. „Принцесса Блондина“. М. 1925.
5. Людмила Попова. „Разрыв—трава“. Стихи. Л. 1925.
6. Ив. Рукавишников. „Сказ про Степана Разина“. М. 1925.
7. Ив. Рукавишников. „Сказ про попа Федула“. М. 1925.
8. Вл. Гиляровский. „Москва и москвичи“. М. 1926.
9. Варвара Бутягина. „Паруса“. Стихи. М. 1926.
10. Памяти Есенина. Воспоминания. Статьи. Стихи. Иконография. Автографы.
11. Собрание стихотворений. Л. 1926.
12. Новые стихи. Вып. I. М. 1926.
13. Новые стихи. Вып. II. М. 1927.

Примечания

Памятка о Сергее Есенине

На обороте тит. л.: «Отпечатано в типо-литографии Агентства “СВЯЗЬ”, 2-ой Бабьегородский пер., д. № 22, в количестве 6.000 экзempl., из них 100 нумерованных. Главлит № 53284».

С. Виноградская. Как жил Сергей Есенин

Книжка напечатана в Л., тип. рабочего изд-ва «Прибой», тир. 30.000 экз. На тит. л.: «Как жил Есенин».

Софья Семеновна (Селимовна) Виноградская (1901–1964) – писательница, журналистка. В 1920-х гг. училась на факультете общественных наук Московского ун-та, работала в редакциях разл. газет и журналов, в ред. газ. «Правда» была секретарем М. И. Ульяновой. В ред. газ. «Беднота» подружилась с подругой Есенина Г. А. Бениславской, жила с нею в одной коммунальной квартире в доме «Правды» в Богословском пер., где познакомилась с Есениным и поддерживала с ним дружеские отношения в 1923–1925 гг.

И. Грузинов. Есенин разговаривает о литературе и искусстве

На обороте тит. л.: «Отпечатано в типографии ЦИТ Лужниковская ул., д. 13, Главлит (Москва) № 70899. Тираж 3.000 экзempl.»
На ит. л.: «С. Есенин разговаривает о литературе и искусстве».

Иван Васильевич Грузинов (1893–1942) – поэт, примыкавший в свое время к имажинистам, литературный критик. Его биография во многом повторяет есенинскую: родился в крестьянской

семье (дер. Шебаршино Рязанской губ.), учился в учительской семинарии и московском Народном университете им. Шанявского. Вместе с Есениным был пайщиком кафе «Стойло Пегаса», участвовал в имажинистских сборниках, в 1924 г. подписал вместе с Есениным письмо о роспуске группы имажинистов. В 1922 и 1924 г. арестовывался за бесцензурное издание книг (обценные «Серафические подвески») и контрреволюционную деятельность, в 1927 г. был арестован и обвинен в «пропаганде, направленной в помощь международной буржуазии», сослан в Сибирь на три года. Вернулся в Москву в 1930-х гг., бедствовал, умер в Кунцево от голода.

Оглавление

От составителя	6
Памятка о Сергее Есенине	7
С. Виноградская. Как жил Сергей Есенин	51
И. Грузинов. Есенин разговаривает о литературе и искусстве	80
Примечания	111

Scriptorium

Настоящая публикация преследует исключительно культурно-образовательные цели и не предназначена для какого-либо коммерческого воспроизведения и распространения, извлечения прибыли и т.п.

SALAMANDRA P.V.V.